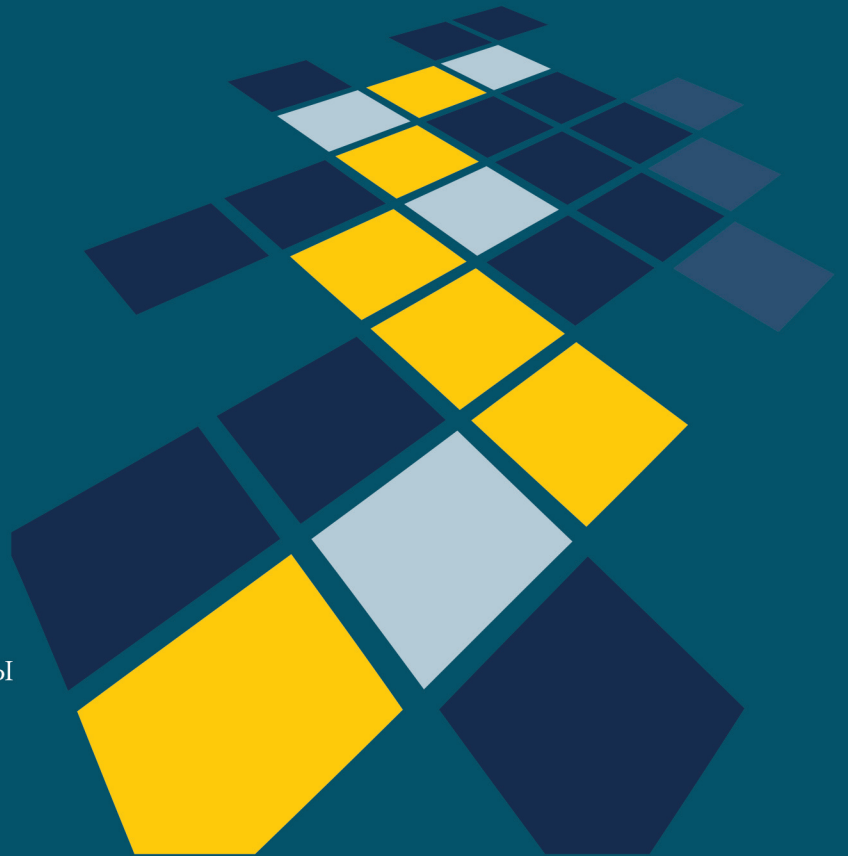

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
И ДОКАЗЫВАНИЕ

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ
СУДЕБНЫХ АКТОВ
ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО

№ 7/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 7/2021

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 Аргунов А.В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права

8 Якушева Е.Е. Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия

13 Ильичев П.А. О целесообразности реформирования системы арбитража ad hoc в России

18 Таирова А.Т. Законный представитель как участник гражданского процесса

23 Бардин Л.Н. О правовых основах использования специальных знаний при рассмотрении гражданских дел

28 Чернов К.Н. Компенсация как средство возмещения вреда за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки

30 Волчанский М.А. Возможность использования залогодержателем механизма процессуального правопреемства при реализации прав, установленных п. 3 ст. 358.6 ГК РФ

36 Тряпочкин Н.А. Конкуренция судебных признаний в гражданском и арбитражном процессе

41 Константинов А.А. Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ

46 Констандина Е.И.

Протокол допроса свидетеля: доказательственное значение в налоговых спорах

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ

50 Папулова З.А. Кассационный пересмотр судебных актов, выносимых мировыми судьями

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

53 Шумов П.В., Жуков М.А. К вопросу о субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства граждан

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

57 Кукса Г.И. Отдельные вопросы исполнимости судебных актов о включении в реестр требований кредиторов в случае прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) юридического лица

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИГ «ЮРИСТ»:**

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.****Учредитель:**

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 09.07.2021.

Номер вышел в свет: 15.07.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования.

Аргунов**Алексей Владимирович,**

доцент департамента систем
судопроизводства и уголовного права
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
aargunov@hse.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-3-7

О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права

В статье ставится вопрос о соотношении идеологии и процессуального права. Отмечается, что некоторые институты и принципы процесса в большей степени воплощают идеологические установки общества, чем другие. Анализируется развитие процессуального права через призму либеральной и социальной моделей процесса, выделяется третья модель — утилитарная.

Ключевые слова: политическая идеология, процессуальное право, либеральная модель процесса, социальная модель процесса, утилитарная модель процесса, принципы процессуального права.

Тема взаимосвязи политической идеологии и процессуального права имеет несколько аспектов. Например, законодатель при формулировании норм права зачастую исходит из идеологических установок. В советское время тезис об обусловленности права, процессуального в том числе, идеологией был аксиомой. В настоящее время этот тезис оказался забытым. Однако отказ от дальнейшего его развития вызван, по нашему мнению, ошибочными соображениями. Свою роль здесь сыграло сложившееся в период перестройки неправильное и негативное восприятие идеологии как партийных установок, которые должны проводить в жизнь работники юстиции.

Политическая идеология призвана артикулировать исходные, базовые ценности общества. Доминирующие ценности, воплощенные в разделяемой обществом идеологии, оказывают влияние не только на решения, принимаемые политиками в рамках законодательного процесса, но и на решения, принимаемые в своей работе юристами: судьями, адвокатами, учеными и др. Отрицать влияние идеологии на право и правосознание не только вредно, но и опасно. Сам феномен от этого отрицания не исчезнет, а будет лишь недооценен и не взят в расчет там, где это нужно.

Нам представляется, что проблема соотношения политической идеологии и процессуального права далеко не исчерпана. Многие знаменитые юристы, начиная с *tres doctores* Болонской школы,

разрабатывали политические проблемы. В современном мире уже политики говорят на языке права, используют в своей риторике юридические понятия и концепции¹.

Законы, как известно, принимаются в рамках политического процесса, в то же время право обладает определенной ролью автономности, является системой, имеющей самостоятельные цели и ценности. Поэтому актуальным для научной разработки видится вопрос о том, какие идеи процессуального права являются отражением политической идеологии, а какие воспроизводят исключительно правовые, в том числе процессуальные, цели и ценности².

Кроме прямого влияния на право через законодательный процесс, политическая идеология может оказывать и косвенное влияние на конкретных судей при интерпретации норм права в рамках разрешения дел. Вполне уместно рассуждать о желательности или нежелательности такого влияния, но отрицать его возможность иногда действительно трудно.

¹ Zamboni M. *Law and Politics: A Dilemma for Contemporary Legal Theory*. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008. P. 9–12.

² Так, например, принцип беспристрастности суда представляется независимым от идеологических влияний. В то же время принципы диспозитивности и состязательности, определяющие отношения сторон и суда в сфере разработки материалов дела и движения процесса, наиболее подвержены такому влиянию.

Эта линия мысли о соотношении идеологии и интерпретации права привлекала внимание советских процессуалистов начиная с 1917 г. И хотя уже в сталинское время проблема была решена в пользу строгого проведения принципа законности (не говоря уже о второй половине XX в., например, с позиции легизма однозначно отрицательно высказывался против возможности влияния идеологических убеждений судей на их решения М.Г. Авдюков³), тема не утратила своей актуальности в свете идей школы правового реализма, современных психологических и социологических теорий принятия судьями решений.

Попробуем более подробно очертить контуры взаимосвязи идеологии и процессуального права. Отечественной и зарубежной доктрине известны две абстрактные модели процесса, выделение которых основано на политической идеологии, нашедшей в них воплощение. Это либеральная и социальная модели или типы процесса⁴.

Через призму этих абстракций ученые реконструируют историю процессуального права в виде постепенной смены одной модели (либеральной) другой (социальной).

Так, специфическое сочетание принципов состязательности и диспозитивности, устности, непосредственности, а также восприятие цели процесса и роли в нем суда, характерные для французского процессуального права начала XIX в. и воспринятые российским правом в ходе Судебной реформы 1864 г., характеризу-

ется как либеральная модель процесса. Процесс здесь представляется свободным состязанием сторон перед судьей, занимающим пассивно-наблюдательную позицию. Он уподобляется дуэли или спортивному состязанию, в котором арбитр лишь следит за правилами игры и констатирует факт победы одной из сторон.

Появление социальной (вполне можно назвать ее и социалистической) модели процесса связывается с идеями Франца Кляйна, воплотившимися в австрийском *Zivilprozessordnung* 1895 г. Как известно, автор этого кодекса разделял социалистические идеи своего коллеги А. Менгера, подвергнутого критике либеральную модель процесса по причине его непригодности для реализации цели социального (фактического) равенства сторон в процессе. А. Менгер защищал идею о том, чтобы судья оказывал помощь неимущему тяжущемуся, отчасти даже взял на себя роль представителя интересов последнего⁵.

Социалистические идеи воплотились, например, в новой интерпретации принципа состязательности. В рамках этой модели суд перестает быть пассивным наблюдателем схватки сторон и в целях скорейшего рассмотрения спора, обнаружения истины и уравнивания сторон в их фактических возможностях (не позволить торжествовать богатому над бедным, но только истине над ложью) становится в активное положение.

Преимущества социалистической модели процесса отстаивались в дореволюционный период А.А. Красовским, Т.М. Яблочковым и др., а после революции она стала в нашей стране узаконенной реальностью. Более того, австрийская модель была переработана, и активность суда в советском процессе стала гипертрофированной⁶.

³ Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970.

⁴ Указанные модели выделяются в современной западной литературе. В российской доктрине традиционно принято разграничивать состязательный и следственный типы процесса. Отчасти указанные классификации пересекаются, поскольку содержательно основываются на степени активности суда в процессе. Однако вполне уместно говорить о состязательной социальной модели процесса (пример — австрийский и немецкий процесс) и следственной социальной модели (советский процесс). Подробнее о либеральной и социальной моделях процесса в их историческом развитии см.: *European Traditions in Civil Procedure* / ed. by C.H. Van Rhee. Antwerpen ; Oxford : Intersentia, 2005 ; Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. М. : Волтерс Клуверс, 2009. С. 20—29.

⁵ Аболонин В.О. Указ. соч. С. 24—26. Интересно, что независимо от А. Менгера к похожим выводам пришел А.Л. Боровиковский. Ему принадлежит знаменитое изречение: «Судья, отличай не желающего от не умеющего отстаивать свое право». См.: Боровиковский А.Л. Отчет судьи : в 3 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 27.

⁶ О советском понимании принципов состязательности и диспозитивности см.: Клейнман А.Ф. Сталинская конституция и принципы диспозитивности и состязательности в гражданском процессе // Клейнман А.Ф. Избранные труды : в 2 т. Краснодар, 2009. Т. 2. С. 603—630.

В 1990-е годы в России вновь возобладали либеральная идеология. И смена политической программы не замедлила сказаться на процессуальном праве. В Концепции судебной реформы в РСФСР, принятой в 1992 г., было зафиксировано желание «коренных изменений» целей гражданского процесса⁷. «Прекратив играть роль инструмента защиты „общенародной“ собственности и социалистического строя, он должен стать услугой, оказываемой государством сторонам»⁸.

Однако консервативное научное и судейское сообщество не позволило коренным образом изменить модель процесса, что, на наш взгляд, соответствовало запросам граждан. Многие нормы, возникшие под влиянием социалистической идеологии, сохранились в действующих Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Развитие законодательства об арбитражном процессе и практики его применения за последние 25 лет свидетельствует о постепенной «социализации» изначально более либеральной модели 1990-х гг. В гражданском процессе также, например, полномочия прокурора сначала были сокращены, потом снова расширены.

И все-таки степень активности суда в сравнении с советской моделью процесса была снижена, в результате чего принцип объективной истины получил иную интерпретацию (дореволюционную: состязательный процесс лучше приспособлен для выяснения истины, чем следственный), принципы состязательности и диспозитивности также претерпели ряд изменений.

В последнее десятилетие развитие отечественного процессуального права было разнонаправленным, инцидентным, т.е. развивался он «по случаю». Трудно выявить какую-либо четкую идеологическую программу, «стоящую» за множеством поправок и изменений. Тут и воплощение позиций Европейского суда

по правам человека (ЕСПЧ), и борьба с судебной нагрузкой и унификация.

Реформы гражданского и арбитражного процессуального права последнего десятилетия, в особенности реформа 2019 г., выявили тенденцию к упрощению судопроизводства, отказу от ряда процессуальных гарантий рассмотрения дела, а значит, и некоторых принципов процесса (например, принципа устности). Можно признать, что указанная тенденция — явление общеевропейское⁹.

Желание реформировать процессуальное право на основе идей эффективности, пропорциональности затрат и выгод можно объяснить по-разному. Например, попыткой избежать обвинений в политической идеологизации судебного процесса и желанием укрыться за традиционным для бюрократии тезисом о техническом совершенстве, профессионализме. Иной вариант — «теория заговора», желание политических элит отказаться от «священного долга правосудия» и распределять ресурсы на другие цели¹⁰.

Представляется, что современные реформы процессуального права, а следовательно, и выстраивание новой модели процесса в определенной степени основаны на идеях движения под названием «право и экономика».

Последнее можно мыслить как самостоятельный тип правовопонимания или как юридическую теорию. Однако в литературе совершенно верно отмечается, что право и экономика не позиционируют право в качестве какой-либо самостоятельной ценности (отрицает наличие у него сущности), а превращают его в проводника ценностей экономических¹¹. Право становится придатком экономики и поглощается идеологией утилитаризма. Ценности эффективности и повышения общественного благосостояния, превращенные в «священную корову» современными западными политиками и юристами, оплодотворяют и процессуальное право.

⁷ Концепция судебной реформы в РСФСР (утв. Постановлением Верховного совета РСФСР от 24.10.1991 «О Концепции судебной реформы в РСФСР») // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁹ См., напр.: Public and Private Justice. Dispute Resolution in Modern Societies / eds. by A. Uzelac, C. H. Van Rhee. Antwerpen ; Oxford : Intersentia, 2007.

¹⁰ Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия. М. : Проспект, 2019.

¹¹ Zamboni M. Op. cit. P. 57–61.

В итоге мы видим рождение новой модели процесса в дополнение к либеральной и социальной — утилитарной. Она основана на еще одной политической идеологии — утилитаризме¹². Эта идеология оплодотворяет правовую доктрину и законодательство стран общего права и в нашей стране как таковая мало известна процессуалистам. Возможно, именно поэтому ни у судейского корпуса, ни в научном сообществе нет четкого представления о желательной модели процесса, а его развитие скорее имеет «догоняющий» характер, т.е. реформы скорее решают уже возникшие проблемы, нежели осуществляются на будущее.

Итак, рассуждение об идеальных моделях процесса, основанных на политической идеологии, приводит нас к следующим вопросам. К какой модели процесса можно отнести современное российское процессуальное право? Какие институты процесса отражают идеологию? Отличаются ли эти модели в трех видах цивилистического процесса? Каково желательное положение дел и почему?

Думается, что российский цивилистический процесс представляет из себя некую переходную модель, которая имеет свои «абберации» в зависимости от той формы, в которой он воплощен: он развивается от социальной следственной к социальной состязательной и, возможно, в дальнейшем к либеральной модели. Одновременно в мире, в том числе в нашей стране, под влиянием глобальных процессов формируется утилитарная модель гражданского процесса. Но развитие это идет непоследовательно, без четкого понимания контуров этих моделей и того идеала, к которому следует стремиться.

Еще одна линия мысли о взаимосвязи идеологии и процесса заключается в следующем.

Эпоха кодификаций (XIX в.) развела материальное и процессуальное право по разным кодексам и разным юридическим наукам. В конечном счете в веке XXI процессуалисты и цивилисты уже плохо понимают друг друга. Однако на самом деле материальное и процессуальное право при известной независимости друг от друга имеет одну и ту же цель — достичь

справедливости в распределении общественных благ.

Критерий распределения благ зависит в свою очередь от политической идеологии. Этот критерий осмысливается в рамках политико-правовых теорий дистрибутивной или распределительной справедливости.

Так, если мы ценим свободу выше равенства (либеральная идеология), мы говорим, что справедливо распределить ресурсы в зависимости от того, кто что заслужил, свободно выбрав себе тот или иной жизненный путь. Если же мы ценим равенство выше свободы, то мы должны сказать, что ресурсы следует распределить равно, поскольку, например жизненный путь выбирается зачастую не свободно, а случаен, например, обстоятельства рождения в бедной семье, пол, раса и прочие факторы не зависят от человека. Поэтому всем нужно давать равный, одинаковый кусок.

Так вот, причем тут процессуальное право? В судебном процессе это распределение благ завершается и актуализируется. Если материальное право устанавливает в абстрактном режиме правило дистрибутивной справедливости, то итог процесса всегда конкретен и окончателен. Если мы предпочитаем равенство в распределении благ, мы должны и процесс построить так, чтобы в суде стороны были равны не только формально, чтобы бедный и богатый были равны фактически. Отсюда в том числе идеи активного суда и даже гипертрофирование этой активности в советском процессе.

Из этого соображения вывод: процесс должен следовать выбору критерия распределения благ в материальном праве. Не может быть общей модели процесса для тех отраслей материального права, в которых дистрибутивная справедливость основана на разных критериях.

Так, например арбитражный процесс, по всей видимости, и должен и реально в большей степени воплощает идею свободы, нежели гражданский процесс. В особенности, если сравнить его с гражданским процессом по делам из трудовых, семейных, социальных отношений.

Процесс по социально значимым делам, по всей видимости, должен находиться на противоположном спектре дихотомии свобода — равенство, т.е. даль-

¹² См. о ней: Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М., 2010.

ше от свободы и ближе к равенству, что, в свою очередь, должно влечь большую степень активности суда в процессе в сравнении с процессом по экономическим спорам. Эти соображения могут служить одним из аргументов в пользу тезиса о самостоятельности арбитражного процесса. Может быть, уместно сделать и такой вывод: универсальная исковая форма — не идеальный вариант и, наоборот, нужны различные процессуальные модели для различных материальных отношений.

Утилитарная процессуальная модель исходит из своего понимания дистрибутивной справедливости применительно к процессуальному праву. Например, идея утилитаризма повлияла на концепцию «пропорциональной процессуальной справедливости» Лорда Вульфа, воплотившуюся в Правилах гражданского судопроизводства Англии в 1999 г. Согласно концепции деятельность судов не ограничена целью защиты субъективных прав, нахождению справедливости в каждом деле, но она должна учитывать ограниченные финансовые ресурсы, имеющиеся у судебной власти, и их честное распределение в зависимости от сложности и важности дела. Во внимание следует принимать не только интересы конкретных сторон,

но и тех людей, кто «ждет своей очереди». Поэтому не только важно рассмотреть и разрешить спор сторон, но не уделить этому спору больше внимания, чем он заслуживает, что, естественно, накладывает на процесс жесткие временные и стоимостные ограничения и в некоторых случаях ведет к невозможности принятия законного и обоснованного решения¹³.

Предпринятые в последнее время реформы в нашей стране, направленные на разгрузку судебной системы посредством упрощения процесса, к сожалению, не осмысляются процессуалистами через призму теорий дистрибутивной справедливости. Дискуссии не восходят к высотам моральных или идеологических предпосылок этих реформ, дискурс в основном строится вокруг узкоспециальных проблем. Однако осмысление состоявшихся и тем более планируемых в будущем реформ процесса через призму этих категорий позволило бы посмотреть на них «сверху», обнаружить новые аргументы за или против тех или иных конкретных решений.

¹³ Sorabji J. English Civil Justice After the Woolf and Jackson Reforms: a Critical Analysis. London : Cambridge University Press, 2014. P. 256.

Литература

1. Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии / В.О. Аболонин. Москва : Волтерс Клуверс, 2009. 208 с.
2. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве / М.Г. Авдюков. Москва : Изд-во Московского университета, 1970. 203 с.
3. Боровиковский А.Л. Отчет судьи. В 3 томах. Т. 3. VI. Дела мужичьи / А.Л. Боровиковский. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1894. 169 с.
4. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика ; перевод с английского С. Моисеева. Москва : Изд. дом Государственного ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
5. Клейнман А.Ф. Сталинская конституция и принципы диспозитивности и состязательности в гражданском процессе // Клейнман А.Ф. Избранные труды. В 2 томах. Т. 2. Краснодар : Советская Кубань, 2009. 807 с.
6. Стрельцова Е.Г. Приватизация правосудия / Е.Г. Стрельцова. Москва : Проспект, 2019. 240 с.

References

1. European Traditions in Civil Procedure / ed. by C.H. Van Rhee. Antwerpen ; Oxford : Intersentia, 2005. 361 p.
2. Public and Private Justice. Dispute Resolution in Modern Societies / eds. by A. Uzelac, C.H. Van Rhee. Antwerpen ; Oxford : Intersentia, 2007. 230 p.
3. Sorabji J. English Civil Justice After the Woolf and Jackson Reforms: a Critical Analysis / J. Sorabji. London : Cambridge University Press, 2014. 284 p.
4. Zamboni M. Law and Politics: A Dilemma for Contemporary Legal Theory / M. Zamboni. Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008. 166 p.

Якушева Елена Евгеньевна,

доцент департамента публичного права
руководитель направления научно-
правовых экспертиз и консалтинга
Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
MBA (California State University),
LLM (University of London),
кандидат юридических наук
eeyakusheva@hse.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-8-12

Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия

Статья посвящена актуальному научно-практическому вопросу использования цифровых технологий в целях повышения доступности правосудия. Невозможно отрицать, что всеобщая реализация права на судебную защиту возможна только при условии доступности правосудия, поэтому неудивительно, что исследование вопроса доступа субъектов права к судебной защите своих прав занимало умы многих правоведов, а улучшение ситуации с доступностью правосудия является одной из главных задач законодателей в сфере процессуального нормотворчества.

Автором отмечается, что основным направлением деятельности по повышению доступности правосудия в последние годы стало внедрение в данную сферу цифровых технологий, позволяющих участникам судопроизводства осуществлять значительное число своих процессуальных прав через Интернет. В ответ на пандемию судебная система и законодатели стали искать решения, позволяющие обеспечить гражданам и юридическим лицам возможность обращаться в суды за защитой своих прав и интересов в новых условиях. Вполне предсказуемо, что таким решением стало дальнейшее внедрение в судопроизводство цифровых технологий.

Очевидно, что аналогичные задачи по повышению доступности правосудия стоят не только перед отечественной правовой системой, но и перед другими развитыми правовыми системами.

В настоящей статье исследован вопрос влияния цифровизации на доступность правосудия в России, проведен анализ ключевых мер, предпринимаемых в России и в ряде зарубежных стран в сфере организации судебной деятельности, призванных повысить уровень доступности правосудия. Автором сделан вывод о том, что меры по обеспечению доступности правосудия в России соответствуют европейскому уровню внедрения цифровых технологий в судопроизводство, а иногда и опережают его.

Ключевые слова: правосудие, цифровизация, доступность правосудия, коронавирус, COVID-19, Интернет, цифровые технологии, судебная система, веб-конференция.

В законодательстве содержание термина «доступность правосудия» не раскрывается, тогда как в юридической литературе представлено множество различных интерпретаций данного понятия¹. На наш взгляд, наиболее корректным является следующее определение: доступность правосудия — это совокупность организационных, институциональных и правовых условий, обеспечивающих возможность обращения в суд, квалифицированного рассмотрения и разрешения дела, а также эффективное восстановление нарушенных прав на основании вступившего в силу судебного акта.

¹ Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005.

Очевидно, что условиями доступности правосудия являются не только процессуальные нормы и гарантии, но и в том числе вопросы, связанные с физической доступностью судебных учреждений, профессиональной квалификацией участников процесса, наличием эффективных механизмов исполнения решений суда. Данный подход к расширительному толкованию термина «доступность правосудия» давно закрепился в международном и отечественном праве².

² Рыжкова А.А. Проблемы реализации принципа доступности правосудия // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2; Соловых С.Ж. Доступность экономического правосудия: субъективные характеристики // Российская юстиция. 2014. № 10.

Тем не менее в рамках настоящей статьи основное внимание будет уделено процессуальным вопросам судопроизводства, так как именно в данной сфере получили внедрение цифровые технологии, связанные с повышением доступности правосудия.

В настоящее время Россия переживает очередной этап реформирования судебной системы. Еще в 2012 г. Правительство Российской Федерации (далее — Правительство РФ) утвердило целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»³.

Среди задач данной программы заявлены обеспечение открытости и доступности правосудия.

Вполне предсказуемо, что большинство мероприятий, направленных на решение указанных задач, а также целевые показатели программы связаны с внедрением цифровых технологий в судопроизводство.

Такая направленность усилий государства не является случайной и отражает высокую интегрированность цифровых технологий в общественные отношения. В 2020 г. хотя бы раз в месяц Интернетом в России пользовались в среднем 95,6 млн человек, или 78,1% населения всей страны старше 12 лет⁴. Очевидно, что перечисленные показатели будут с годами только увеличиваться, но уже сейчас цифры 2020 г. можно назвать впечатляющими.

Невозможно отрицать, что в последние годы в России наметился определенный прогресс во внедрении цифровых технологий, направленных на повышение доступности правосудия:

В системе судов общей юрисдикции в настоящее время функционирует система ГАС «Правосудие», в которой созданы такие модули, как «Банк судебных решений», «Документооборот и обращения граждан», «Интернет-портал ГАС „Правосудие“», предоставляющий доступ к информации о деятельности судебной системы Российской Федерации.

В арбитражных судах также функционируют программно-технические комплексы, прежде всего, это информационная система «Мой арбитр», позволяющая

подавать в электронном виде иски, заявления и иные документы в рамках процесса, сервис «Электронный страж», позволяющий отслеживать информацию о событиях и документах по делу, «Картотека арбитражных дел», в которой представлены события и документы по делу.

Мощным стимулом к дальнейшему внедрению цифровых технологий в судопроизводство стало распространение коронавирусной инфекции COVID-19 и последовавшие ограничительные меры.

Под ударом эпидемии оказалась не только сфера здравоохранения, но и иные институты государства, в том числе судебная система. В разгар эпидемии в пору было говорить о проблеме физической доступности правосудия, ведь судебные учреждения практически не принимали посетителей⁵.

Единственным возможным ответом на изменившиеся условия стало дальнейшее внедрение цифровых технологий в судопроизводство.

Рассмотрим меры, принятые в целях обеспечения доступности правосудия в период разгара пандемии.

- Проведение судебных заседаний с использованием веб-конференций.

В апреле 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал⁶ проводить судебные заседания с использованием веб-конференций — инструментов для онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет⁷.

Думаю, нет нужды подробно рассказывать об удобствах таких онлайн-заседаний ввиду отсутствия необходимости тратить время на поездки в суд, но использование веб-конференций столкнулось с определенной критикой⁸, в частности, изначально не была полностью решена проблема проверки полномочий и идентификация

³ СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

⁴ Аудитория Интернета в России в 2020 г. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/>

⁵ Пункт 1 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Пункт 2 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Толкование понятия «веб-конференция». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/624496>

⁸ Корякина К.Г., Хохрякова О.В. Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3.

сторон, что, конечно, не делает данную технологию менее привлекательной.

- Другим важным нововведением стало ознакомление с материалами судебного дела через Интернет.

Как и веб-конференции, данная процедура не предусмотрена законодательством и реализуется с начала пандемии пока только в системе арбитражных судов в сервисе «Мой арбитр». Ранее такой порядок был предусмотрен только по делам упрощенного судопроизводства.

Говоря о цифровых технологиях и обеспечении доступности судопроизводства, нельзя не упомянуть о тех изменениях, которые с высокой вероятностью произойдут в правовом поле в ближайшее время.

6 апреля 2021 г. Правительством РФ внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект⁹, предусматривающий внесение в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Кодекс административного производства Российской Федерации (далее — КАС РФ) следующих нововведений.

- Согласно законопроекту исковое заявление и иные документы могут быть поданы в суд через Интернет, в том числе посредством портала «Госуслуги». При этом документы будут достаточно заверить простой электронной подписью. В исключительных случаях, например при подаче заявления об обеспечении иска, потребуется усиленная квалифицированная электронная подпись, требующая специальное ПО и/или технические средства. Через «Госуслуги» также будет возможно получать судебные извещения и судебные акты.

- Другим важным положением законопроекта является включение в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ положений о возможности участия в судебном заседании с помощью веб-конференций наряду с видеоконференц-связью.

Ранее упомянутую проблему идентификации лиц предлагается решить в том числе с помощью единой биометрической системы — цифровой платформы, по-

зволяющей идентифицировать человека по его биометрическим характеристикам (в настоящее время это лицо и голос).

Важно отметить, что законопроект содержит закрытый перечень оснований, по которым суд может отказать сторонам в проведении заседания путем использования веб-конференции:

- 1) отсутствие технической возможности;

- 2) закрытое судебное заседание.

- Кроме того, законопроект предусматривает, что при наличии технической возможности лицам, участвующим в деле, может быть предоставлен доступ к материалам дела через Интернет.

Не вызывает сомнений, что планируемые изменения должны позитивно повлиять на доступность правосудия, граждане и юридические лица будут широко использовать цифровые технологии для судебной защиты своих прав.

Если положения о веб-конференциях и доступе к материалам дела через Интернет направлены на правовое урегулирование технологических решений, которые начали применяться во время пандемии, то создание на платформе портала «Госуслуги» сервисов, связанных с судопроизводством, можно назвать прорывом в вопросе доступности судебной защиты. Согласно статистике портала «Госуслуги», на 2019 г. на портале зарегистрировано более 103,2 млн пользователей. При этом прирост числа новых пользователей за 2019 г. составил 19 млн человек¹⁰.

Отмечая тенденции и успехи в сфере внедрения в судопроизводство цифровых технологий, повышающих доступность правосудия, необходимо рассмотреть общеевропейский контекст, в котором существует российская правовая система.

Предлагаем рассмотреть регулирование применения в зарубежных правовых системах цифровых технологий, которые в настоящее время получают законодательную регламентацию в России.

- Применение видеосвязи.

24 марта 2020 г. состоялось первое заседание Верховного Суда Великобритании с использованием веб-конференций

⁹ Законопроект № 1144921-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7>

¹⁰ Госуслуги в 2019 году: главные события и факты. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year

(использовалась платформа Webex), и с тех пор такая практика широко применяется в судопроизводстве¹¹.

Служба судов и трибуналов Ее Величества, осуществляющая управление и обеспечение всех судов Великобритании, ранее использовала видеоконференции в ограниченном режиме (стационарные точки подключения, закрытый перечень устройств, с которых возможно подключение), но с марта 2020 г. допустила использование Skype for Business с любых устройств¹².

В Германии практически все суды оборудованы устройствами для видеоконференций, но ПО и его использование отличаются в разных федеральных землях. В то время как в Верховном региональном суде Ганновера широко использовался Skype for Business для проведения заседаний, аналогичный по уровню суд в Дрездене только рассматривал такую возможность. В целом практика проведения видеоконференций в Германии применяется в основном, когда заседание ожидается коротким и не предполагает прений сторон¹³. Существует мнение, что проведение судебных заседаний посредством видеоконференций в Германии в дальнейшем будет использоваться в ограниченном количестве случаев и не получит широкого распространения¹⁴.

В австрийских судах применение видеоконференций до 2020 г. носило ограниченный характер и применялось по гражданским делам в целях процессуальной экономии для получения доказательств или в целях защиты свидетеля по уголовным делам. В мае 2020 г. законодательство изменилось, расширив право участников

процесса участвовать в слушаниях посредством видеосвязи. При этом для дистанционного проведения заседания необходимо наличие одновременно ряда условий: 1) защищенная линия связи; 2) согласие всех сторон на использование видеосвязи; 3) стороны должны подтвердить, что существует риск для их здоровья в случае очного присутствия в суде¹⁵. С учетом изложенного, можно утверждать, что применение видеосвязи в Австрии носит ограниченный характер и во многом зависит от усмотрения суда и согласия участников процесса.

В Нидерландах проведение видеоконференций приобрело широкое распространение. Законодательство предусматривает возможность сторон и иных лиц в заседаниях посредством электронных устройств, отдавая на усмотрения суда и сторон выбор технических средств¹⁶. С 10 апреля 2020 г. арбитражные суды используют Skype for Business для проведения заседаний¹⁷.

• Подача исковых заявлений и иных процессуальных документов в суд через Интернет.

В Великобритании с 2018 г. существует система электронного документооборота, которая позволяет участникам процесса знакомиться с документами судебного дела через Интернет, подавать заявления и иные процессуальные документы, оплачивать судебные сборы¹⁸.

В Германии также существует система для электронного взаимодействия общества и судов, представляющая собой «Электронный судебный и административный почтовый ящик», позволяющий осуществлять передачу и прием докумен-

¹¹ Susskind R. The Future of Courts // Remote Courts. 2020. Vol. 6. Is. 5. URL: <https://thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/> (дата обращения: 10.05.2021).

¹² Corfield G. Britain's Courts Lurch Towards Skype and Conference Calls for Trials as COVID-19 Distancing Kicks in. Coronavirus Forces Judges to Join the 21st Century More or Less Overnight // The Register. 2020. 23 March.

¹³ Report "Virtual Civil Trials", The Law Library of Congress, USA, p. 29–30. URL: <https://www.loc.gov/law/help/virtual-civil-trials/virtual-civil-trials.pdf>

¹⁴ Kölzer J., Schumacher S. Video Conferences in German Courts After Covid-19 // Pinsent masons. 2020. 25 August.

¹⁵ Schmidt S. Online Courts — Covid-19, Austria And The Recent Changes In The Practice of Using Video-Conferencing Technology // Mondaq. 2020. 14 December.

¹⁶ News update arbitration. Netherlands Arbitration Institute (NAI) Virtual Hearing Guidelines. URL: <https://www.houthoff.com/insights/News-Update/Arbitration---April-2021>

¹⁷ The Netherlands Commercial Court and COVID-19: case management, videoconference hearings and eNCC. URL: <https://www.rechtspraak.nl/English/NCC/news/Pages/The-Netherlands-Commercial-Court-and-COVID-19-case-management-videoconference-hearings-and-eNCC.aspx>

¹⁸ Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / А.В. Кашанин, А.Б. Козырева, Н.А. Курносова; под ред. А.В. Кашанина. М., 2020. С. 51–53.

тов по защищенным каналам связи. Возможность подачи исков через Интернет законодательно предусмотрена, но на практике применяется не повсеместно (зависит от принятия соответствующих норм в той или иной федеральной земле)¹⁹.

Подать иск и другие заявления в суд через Интернет в Австрии с 2013 г. возможно с помощью заполнения онлайн-форм на сайте Министерства юстиции²⁰.

В Нидерландах возможность подачи исковых и иных заявлений онлайн появилась только начиная с 2012 г., пусть изна-

чально и с различными ограничениями по категориям дел и сумме иска²¹.

Как мы видим, изменения, происходящие в российском законодательстве и правоприменительной практике, соответствуют уровню развития современных технологий и способствуют созданию условий для беспрепятственного доступа граждан и юридических лиц к судебной защите своих прав. В целом меры по обеспечению доступности правосудия в России соответствуют европейскому уровню внедрения цифровых технологий в судопроизводство, а иногда и опережают его.

¹⁹ Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 44–45.

²⁰ How to proceed? — Austria. URL: https://e-justice.europa.eu/content_how_to_proceed-34-at-en.do?member=1

²¹ Kramer X., Gelder E. van, Themeli E. e-Justice in the Netherlands: the Rocky Road to Digitised Justice // Digital Single Market: Bausteine eines Rechts in der Digitalen Welt / eds. by M. Weller, M. Wendland. Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. P. 209–235.

Литература

1. Брянцева О.В. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия / О.В. Брянцева, О.Л. Солдаткина // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 6. С. 36–47.
2. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / А.В. Кашанин, А.Б. Козырева, Н.А. Курносова ; под редакцией А.В. Кашанина. Москва, 2020. 81 с.
3. Корякина К.Г. Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе / К.Г. Корякина, О.В. Хохрякова // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 13–18.
4. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2005. 672 с.
5. Рыжкова А.А. Проблемы реализации принципа доступности правосудия / А.А. Рыжкова // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 233–241.
6. Соловых С.Ж. Доступность экономического правосудия: субъективные характеристики / С.Ж. Соловых // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 28–31.

References

1. Corfield G. Britain's Courts Lurch Towards Skype and Conference Calls for Trials as COVID-19 Distancing Kicks in. Coronavirus Forces Judges to Join the 21st Century More or Less Overnight / G. Corfield // The Register. 2020. 23 March.
2. Kölzer J. Video Conferences in German Courts After Covid-19 / J. Kölzer, S. Schumacher // Pinsent Masons. 2020. 25 August.
3. Kramer X. e-Justice in the Netherlands: the Rocky Road to Digitised Justice / X. Kramer, E. van Gelder, E. Themeli // Digital Single Market: Bausteine eines Rechts in der Digitalen Welt / eds. by M. Weller, M. Wendland. Tübingen : Mohr Siebeck, 2018. P. 209–235.
4. Schmidt S. Online Courts — Covid-19, Austria And The Recent Changes In The Practice of Using Video-Conferencing Technology / S. Schmidt // Mondaq. 2020. 14 December.
5. Susskind R. The Future of Courts / R. Susskind // Remote Courts. 2020. Vol. 6. Is. 5. URL: <https://thepractice.law.harvard.edu/article/the-future-of-courts/> (date of access: 10.05.2021).
6. Stouten T. News Update Arbitration. Netherlands Arbitration Institute (NAI) Virtual Hearing Guidelines / T. Stouten, P. Wilinski, J. Snijkers, J. Angelier // Houthoff. 2021. 1 April.

Ильичев Петр Андреевич,

председатель комиссии Ассоциации юристов России по третейскому разбирательству, заместитель председателя Совета Московского областного отделения Ассоциации юристов России, адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области, старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук
ilichevpetr@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-13-17

О целесообразности реформирования системы арбитража ad hoc в России

Настоящая статья посвящена анализу целесообразности реформирования системы арбитража ad hoc в России. Автором обозначается проблема об имеющихся место злоупотреблениях в данной сфере, выражающаяся в том, что из-за пробелов в правовом регулировании некоторые организации, не получившие право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, до настоящего времени предпринимают попытки незаконно осуществлять администрирование арбитража через процедуру арбитража ad hoc. В результате системного анализа законодательства, юридической науки и судебной практики автор приходит к выводу о целесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации, установив дополнительные требования, предъявляемые к арбитрам, из которых формируется состав третейского суда, образованный сторонами для разрешения конкретного спора. Кроме того, автором предлагается установить отдельные ограничения на передачу в арбитраж ad hoc отдельных категорий споров: споров о признании вещных прав на объекты недвижимости; споров с участием потребителей и споров при цене иска, превышающей 10 000 000 руб. По результатам научного исследования предлагаются изменения в нормы законодательства Российской Федерации, регулирующего рассматриваемые отношения.

Ключевые слова: арбитраж, третейский суд, спор, система, законодательство, судебная практика.

Реформа третейского разбирательства, в ходе которой был принят Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее — Закон об арбитраже), а также внесены изменения в отдельные законодательные акты, установила высокие законодательные требования для деятельности образованных при некоммерческих организациях постоянно действующих арбитражных учреждений, что существенным образом положительно повлияло на развитие институционального арбитража в России.

Вне системы институционального арбитража имеются отдельные добросовестные арбитры, которые честно и в полном соответствии с законом рассматривают споры в рамках арбитража ad hoc, в том числе при содействии постоянно действующих арбитражных учреждений. В частности, Г.В. Севастьянов обоснованно отмечает наметившуюся в российской правоприменительной практике тенденцию

развития институционализации арбитража ad hoc в России¹.

Между тем деятельность третейских судов, образованных сторонами для разрешения конкретного спора (арбитраж ad hoc), не получила надлежащего законодательного регулирования, что вызывает существенные проблемы в правоприменительной практике и приводит к большому количеству злоупотреблений со стороны организаций, не получивших право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, некоторые из которых до настоящего времени предпринимают попытки незаконно осуществлять администрирование арбитража через процедуру арбитража ad hoc.

Обозначенная ситуация негативно сказывается на основных целях и задачах проводимой реформы арбитража в России, поскольку порождает возможность

¹ Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8–13.

«обхода» ее основных положений для третейских судов, которые не привели свою деятельность в соответствие с требованиями законодательства Российской Федерации, и не решает основных проблемных аспектов, направленных на повышение добросовестности в деятельности таких третейских судов. Из-за отсутствия административно-правового регулирования деятельности арбитража ad hoc недобросовестные участники гражданского оборота могут использовать данный механизм в противоправных целях, не связанных с защитой субъективных гражданских прав, и такие арбитражные решения в некоторых случаях могут быть приведены в исполнение судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

В этой связи Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“ и Федеральный закон „О рекламе“» были внесены изменения в Закон об арбитраже, в п. 20 ст. 44 которого был установлен запрет лицам, не получившим в соответствии с Законом об арбитраже право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, на выполнение отдельных функций по администрированию арбитража.

Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя данную норму, обратил внимание на то, что указанные нарушения имеют место, если формально третейский суд образуется для разрешения конкретного спора (ad hoc), однако в действительности он имеет признаки, свойственные институциональному арбитражу (например, объединение арбитров в коллегии или списки, формулирование собственных правил арбитража, выполнение одним и тем же лицом функций по содействию проведения третейских разбирательств с участием разных арбитров)².

Представляется обоснованным тезис М.Л. Гальперина и Н.В. Павловой о том, что повышение требований к качеству институционального арбитража не повлекло за собой сколько-либо значимый переход споров в арбитраж ad hoc. Не увенчались успехом и попытки обхода закона, выстраивания параллельной «серой» системы

разрешения споров с использованием инструментов арбитража ad hoc³.

Вместе с тем тенденции развития арбитража ad hoc в России позволяют сделать вывод о том, что в полной мере злоупотребления в деятельности третейских судов, образованных сторонами для разрешения конкретного спора, не разрешены. Некоторые суды из-за несовершенства правового регулирования арбитража ad hoc по-прежнему не уделяют приведенным обстоятельствам должного внимания.

Так, в частности, в феврале 2020 г. Второй кассационный суд общей юрисдикции, отклоняя доводы заявителя о том, что Арбитражный центр при автономной некоммерческой организации не вправе осуществлять общее администрирование спора, поскольку не получил права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, оставил без изменения определение Черемушкинского районного суда города Москвы, которым удовлетворено заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора, и указал при этом следующее: «...заклячая договоры, стороны предусмотрели, что все споры по ним подлежат рассмотрению с соблюдением положений Федерального закона от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ, третейским судом по процедуре ad hoc, образованным сторонами для разрешения указанных споров, в составе единоличного арбитра в соответствии с Типовыми Правилами Арбитража для разрешения разовых споров (ad hoc) Автономной Некоммерческой Организации. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что заявителю было известно о том, что все споры между сторонами третейским судом будут рассмотрены в порядке ad hoc (образование для разрешения конкретного спора)»⁴. Данный судебный акт не было отменен вышестоящим судом.

Обозначенный подход, по нашему мнению, не отвечает целям и задачам проведенной реформы законодательства об арбитраже. В этой связи проблема, связанная с имеющими место злоупотреблениями

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-12143 по делу № А41-103364/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Гальперин М.Л., Павлова Н.В. Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 125–139.

⁴ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2020 г. № 88-2561/2020 по делу № 13-810/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

с использованием процедуры арбитража *ad hoc*, является по-прежнему актуальной. Целесообразно законодательное решение, направленное на минимизацию злоупотреблений третейскими судами, образованными сторонами для разрешения конкретного спора. Речь не идет о полном запрете арбитража *ad hoc* (хотя такое правовое регулирование, в частности, существует в Китайской Народной Республике, полностью запрещающее включать в арбитражные соглашения условия о разрешении споров путем арбитража *ad hoc*), а о комплексе законодательных мер, направленных на повышение добросовестности в его деятельности с целью защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота, а также публично-правовых интересов государства.

По нашему мнению, обозначенная проблема в том числе обусловлена низкими законодательными требованиями, предъявляемыми к арбитрам, из которых формируется состав третейского суда, при арбитраже *ad hoc*. Так, требования, предъявляемые к арбитрам, в том числе в рамках деятельности третейских судов, образованных сторонами для разрешения конкретного спора, определены ст. 11 Закона об арбитраже. К их числу относятся дееспособность, достижение возраста 25 лет, наличие высшего юридического образования, отсутствие проступков, не совместимых с профессиональной деятельностью.

Между тем указанные требования носят формальный характер и не способны надлежащим образом обеспечить добросовестность арбитра при рассмотрении и разрешении гражданских дел, что часто вследствие его недостаточного авторитета или профессиональной квалификации приводит к вынесению незаконных арбитражных решений и причинению существенного вреда правам и законным интересам участникам гражданского оборота.

В постоянно действующих арбитражных учреждениях данная проблема разрешена наличием рекомендованного списка арбитров в количестве не менее 30 человек. При этом в каждом рекомендованном списке арбитров постоянно действующего арбитражного учреждения не менее одной трети арбитров должны иметь ученую степень, присужденную на территории Российской Федерации, по специальности, входящей в перечень, который утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти на основании

рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства, а не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей и (или) арбитров в третейских судах (арбитраже) и (или) в качестве судей федерального суда, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации (далее — субъект РФ), мировых судей в течение не менее 10 лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров (ст. 47 Закона об арбитраже). Добросовестность арбитра, рассматривающего спор в рамках системы институционального арбитража, обеспечивает также репутация постоянно действующего арбитражного учреждения, выполняющего функции по администрированию спора.

В целях повышения добросовестности в деятельности третейских судов, образованных сторонами для разрешения конкретного спора (арбитража *ad hoc*), предлагается установить следующие дополнительные требования, предъявляемые к арбитрам при отсутствии администрирования спора постоянно действующим арбитражным учреждением:

а) арбитр, рассматривающий спор в составе третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора (арбитража *ad hoc*), должен быть включен в рекомендованный список арбитров постоянно действующего арбитражного учреждения;

б) арбитр должен либо иметь ученую степень, присужденную на территории Российской Федерации, по специальности, входящей в перечень, который утверждает уполномоченным федеральным органом исполнительной власти на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства, либо обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве судей федерального суда, конституционного (уставного) суда субъекта РФ, мировых судей в течение не менее 10 лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров.

Принимая во внимание, что лица, соответствующие указанным требованиям, являются квалифицированными юристами, а также имеют авторитет и признание в юридическом сообществе, приведенное обстоятельство будет выступать дополнительной гарантией их добросовестности и соблюдения законности при их участии в качестве арбитров в рамках деятельности

третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора.

Кроме того, обозначенные проблемы, связанные с злоупотреблениями в системе арбитража *ad hoc*, во многом обусловлены отсутствием надлежащих ограничений в отношении споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора.

В настоящее время практически все категории споров, которые подлежат передаче в арбитраж, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, образованного сторонами для рассмотрения конкретного спора. Исключения составляют корпоративные споры, арбитраж которых возможен только при администрировании спора постоянно действующим арбитражным учреждением.

Представляется целесообразным установить ограничения на передачу на рассмотрение арбитража *ad hoc* следующих категорий споров:

1. Споры о признании вещных прав на объекты недвижимого имущества, а также иные споры, связанные с внесением изменений в юридически значимые реестры

Системное толкование положений ст. 43 Закона об арбитраже и п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» с учетом разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации⁵ (далее — Конституционный Суд РФ) обуславливает арбитрабельность споров о признании вещных прав на объекты недвижимости.

Между тем в правоприменительной практике имеют место частые случаи, когда недобросовестные участники гражданского оборота создают видимость частноправового спора с отнесением его на рассмотрение третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора (арбитража *ad hoc*), для получения формальных оснований регистрации права на недвижимое имущество, что влечет подмену законных функций государственных

органов по регистрации прав на недвижимое имущество, противоречит публичному порядку Российской Федерации и является основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Данные действия осуществляются в обход законодательства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, которое устанавливает гарантии прочности и стабильности гражданского оборота, обеспечивает неприкосновенность собственности.

Приведенные ситуации часто выявляются судами при разрешении вопросов, связанных с рассмотрением заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов. В частности, Первым кассационным судом общей юрисдикции в июне 2020 г. была выявлена подобная ситуация при незаконной попытке признания права собственности через арбитраж *ad hoc* на многоквартирный жилой дом, вследствие чего было отказано в приведении в исполнение арбитражного решения⁶.

Приведенные факты обуславливают правильность установления запрета на передачу в арбитраж *ad hoc* данной категории споров.

По изложенным основаниям представляется обоснованным установление обязательного администрирования постоянно действующим арбитражным учреждением и иных споров, связанных с внесением изменений в юридически значимые реестры.

2. Споры с участием потребителей

Конституционный Суд РФ с учетом положений ст. 45 (ч. 2) и ст. 46 Конституции Российской Федерации, ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) сделал вывод о наличии при определенных условиях возможности передачи споров, которые возникают из отношений потребителей с хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на потребительском рынке, на рассмотрение третейских судов. Согласно его разъяснениям, необходимо проверить арбитражное соглашение сторон о рассмотрении спора третейским судом на предмет его действительности, утраты силы и возможности исполнения. Рассмотрение спора в третей-

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2020 г. № 88-15085/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ском суде не должно ограничивать доступ потребителя к правосудию из-за установленного между сторонами распределения расходов, связанных с разрешением спора в третейском суде, существенно увеличивающего его материальные затраты, а также в связи с возможным нарушением принципов законности, независимости и беспристрастности при создании и формировании конкретного третейского суда, на рассмотрение которого подлежит передаче дело⁷.

На допустимость передачи в арбитраж споров с участием потребителей обращается внимание также в судебной практике, сформированной после вступления в силу Закона об арбитраже⁸. Однако из-за отсутствия надлежащего регулирования деятельности арбитража ad hoc права и законные интересы потребителей, как наиболее слабой стороны договора, могут быть надлежащим образом не обеспечены.

В этой связи предлагается внести изменения в нормы законодательства Российской Федерации, установив условие, направленное на обязательное администрирование арбитража данной категории споров постоянно действующим арбитражным учреждением. В целях обеспечения прав и законных интересов потребителей, учитывая разъяснения Конституционного Суда РФ, предлагается установить также дополнительные требования для арбитража данной категории споров: потребитель должен быть освобожден от уплаты расходов, связанных с разрешением спора в арбитраже. Кроме того, место арбитража целесообразно определить в пределах субъекта РФ, в котором проживает потребитель.

3. Споры по исковым требованиям имущественного характера (одно или несколько взаимосвязанных требований с

участием тех же сторон) при общей цене иска, превышающей 10 000 000 (десять млн) руб

Многие проблемы, связанные с деятельностью арбитража ad hoc, обусловлены тем обстоятельством, что по исковым требованиям имущественного характера их размер законом не ограничен.

В правоприменительной практике имели место случаи, когда с использованием арбитража ad hoc незаконно взыскивались денежные средства в особо крупном размере, причиняя при этом существенный вред добросовестным участникам гражданского оборота, а также публично-правовым интересам государства. Арбитраж ad hoc, осуществляющий свою деятельность добросовестно и в соответствии с требованиями законодательства, как правило, имеет региональное значение и не связан с предъявлением исковых требований имущественного характера в особо крупном размере.

В этой связи для минимизации злоупотреблений в данной сфере целесообразно установить норму закона, согласно которой споры по исковым требованиям имущественного характера (одно или несколько взаимосвязанных исковых требований с участием тех же сторон) при общей цене иска, превышающей 10 000 000 (десять млн) руб., подлежат рассмотрению при администрировании спора постоянно действующим арбитражным учреждением. Соответствующие изменения целесообразно внести в положения ГПК РФ и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие споры, подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда.

По нашему мнению, обозначенные изменения законодательства Российской Федерации способствуют обеспечению добросовестности в деятельности третейских судов, образованных для разрешения конкретного спора, и развитию системы арбитража в России в целом, что сделает более привлекательной российскую юрисдикцию.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1831-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 2.

⁸ См., напр: Апелляционное определение Московского городского суда от 22 января 2020 г. по делу № 33-2906/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

Литература

1. Гальперин М.Л. Куда идет третейское разбирательство? / М.Л. Гальперин, Н.В. Павлова // Закон. 2019. № 8. С. 125–139.
2. Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России / Г.В. Севастьянов // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8–13.

Таирова Анжелика Таировна,

ассистент кафедры гражданского
процесса Юридического факультета
Московского государственного
университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ)
law.msu.tairova@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-18-22

Законный представитель как участник гражданского процесса

В статье автор рассматривает правовое положение законного представителя как участника гражданского процесса. Исследуется ряд актуальных вопросов, связанных с правовым регулированием участия законного представителя в гражданском процессе, анализируются права и обязанности законного представителя согласно действующему законодательному регулированию. Отмечаются особенности правового положения законных представителей по категориям в зависимости от вида законного представительства: законные представители несовершеннолетних; законные представители лиц, признанных судом недееспособными; законные представители лиц, признанных судом ограниченно дееспособными, и др.

Ключевые слова: статус, права и обязанности, представительство, законный представитель, дееспособность, несовершеннолетние.

Для рассмотрения законного представительства в рамках гражданского процесса необходимо учитывать его специфику, которая состоит в первую очередь в отсутствии **дееспособности** в частичном либо полном объеме у представляемого лица¹. Именно поэтому вести речь о делегировании полномочий не представляется возможным, поскольку для делегирования любых полномочий требуется дееспособность (для осуществления осознанного выбора в пользу того или иного представителя для совершения необходимых процессуальных действий в собственных интересах).

Законный представитель представляемого недееспособного лица осуществляет его права, за исключением тех, которые неотделимы от личности². Законный представитель частично дееспособного лица с его согласия и в зависимости от отраслевого вида юридического процесса вправе, например: отозвать жалобу в судебные органы; прекратить полномочия защитника; отказаться от предъявленного им гражданского иска или признать

предъявленный к нему гражданский иск; отозвать поданную в защиту интересов представляемого им лица жалобу и др.³

Необходимо обратить внимание, что по вопросу процессуального положения законного представителя в гражданском процессе давно велись научные дискуссии. Следует согласиться с теми учеными, которые отстаивают положение о том, что законный представитель является лицом, участвующим в деле, поскольку он является субъектом гражданских процессуальных отношений, имеет процессуальный интерес в деле, своими действиями оказывает влияние на развитие процесса, имеет самостоятельные процессуальные права и обязанности, а за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих процессуальных обязанностей он может быть привлечен к ответственности, установленной законодательством Российской Федерации⁴.

В рамках гражданского процесса в зависимости от особенностей дееспособности представляемого лица возможно выделение нескольких типов законного представительства. Каждому такому виду

¹ Таирова А.Т. Законное представительство в гражданском процессе: некоторые проблемы теории и практики // Законодательство. 2020. № 5. С. 80–82.

² Кокин А.В. Особенности правового содержания статуса законного представителя в юридическом процессе // Вопросы экономики и права. 2012. № 11. С. 53.

³ Там же.

⁴ Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 8; Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде: монография. М., 2004. С. 134; и др.

присущи свои отличительные черты, что касается в первую очередь набора прав и обязанностей представителя, поэтому представляется возможным вести речь о специфике правового статуса каждого из них⁵.

Основная группа законных представителей, подлежащая к рассмотрению, — это **законные представители несовершеннолетних**. Согласимся с утверждением, что защита прав и охраняемых законом интересов, восполнение дееспособности и осуществление надзора за несовершеннолетними являются целями законного представительства⁶. **Правовой статус** и объем полномочий законных представителей несовершеннолетних до достижения 14-летнего возраста и от 14 до 18 лет существенно различаются.

В рамках гражданского процесса интересы несовершеннолетних от 14 до 18 лет представляют их родители, усыновители или попечители согласно ч. 1 ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ).

До достижения несовершеннолетним гражданином 14-летнего возраста согласно ст. 28 ГК РФ, а также ст. 64 СК РФ законное представительство осуществляется родителями, усыновителями или опекунами. При этом, как указано в ст. 28 ГК РФ, малолетние в возрасте от шести до 14 лет вправе самостоятельно совершать: мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Имущественную ответственность по сделкам малолетнего несут его родители, усыновители или опекуны. Эти лица отвечают и за вред, причиненный

малолетними. При таком виде законного представительства лицо, представляющее интересы ребенка, действует от собственного имени, в отличие от представителя несовершеннолетнего от 14 до 18 лет, где он оказывает несовершеннолетнему содействие в осуществлении его прав. Содействие такого рода — это одобрение совершаемых несовершеннолетним юридически значимых действий либо путем непосредственного присутствия, либо путем дачи письменного согласия.

Статья 123 СК РФ, а также ст. 7 и 8 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» возлагают обязанность выступать опекунами и попечителями детей, оставшихся без попечения родителей, до передачи в семью на воспитание, под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью, а при отсутствии такой возможности в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на органы опеки и попечительства.

В рамках гражданского процесса законные представители несовершеннолетних действуют от имени несовершеннолетних и в их интересах и согласно ст. 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) совершают от имени представляемых ими лиц все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым, таким образом, создавая для них процессуальные права и обязанности, с ограничениями, предусмотренными законом. Данные ограничения обусловлены особым статусом несовершеннолетнего. К ним можно отнести требования ст. 37 ГК РФ, в которой содержатся общие правила о распоряжении имуществом подопечного. На основании норм, содержащихся в данной статье, суд не может принимать отказ законного представителя от иска или признание иска, если стороной по делу является несовершеннолетний, находящийся под опекой или попечительством, без согласия органа опеки и попечительства.

У законных представителей также есть правомочие передать ведение дел другому лицу в рамках договорного представительства. При этом круг передаваемых полномочий определяется законным

⁵ Рузакова О.А. Вопросы представительства в свете реформы гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 18–22.

⁶ Попова Д.Г. К вопросу о выделении специального правового статуса «законный представитель несовершеннолетнего» // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2014. № 3 (40). С. 94–96.

представителем самостоятельно и должен быть отражен в оформленной доверенности.

Помимо родителей, опекунов и попечителей, права несовершеннолетних в рамках законного представительства могут представлять и иные лица: администрация детского дома, органы опеки и попечительства, если возникла необходимость участия законного представителя до назначения опекуна или попечителя согласно ч. 2 ст. 123 и ч. 1 ст. 147 СК РФ.

Несовершеннолетние могут выступать свидетелями, поскольку такая обязанность закреплена за всеми гражданами в ст. 69 ГПК РФ. Допрос несовершеннолетних свидетелей происходит по правилам, закрепленным в ст. 179 ГПК РФ. В зависимости от возраста ребенка в законе установлены разные правила допроса свидетелей. До 14 лет присутствие педагогического работника при допросе ребенка является обязательным, а при допросе свидетеля в возрасте от 14 до 16 лет суд решает вопрос о его присутствии по своему усмотрению. Могут быть также вызваны родители, усыновители, опекун или попечитель ребенка, которые имеют право высказывать свое мнение о содержании показаний и др. с разрешения суда.

Существует еще несколько категорий лиц, для осуществления гражданских процессуальных прав которых закон предписывает обязательное наличие законных представителей:

— граждане, признанные судом недееспособными вследствие психического расстройства (ст. 32 ГК РФ);

— граждане, ограниченные судом в дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами (ст. 33 ГК РФ);

— недееспособные или не полностью дееспособные граждане, помещенные под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 35 ГК РФ);

— пациенты, признанные в установленном законом порядке недееспособными, но не имеющие законного пред-

ставителя психиатрического стационара (ст. 39 Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»);

— автор, опубликовавший свое произведение анонимно или под псевдонимом (за исключением случая, когда псевдоним автора не оставляет сомнения в его личности) (ст. 1265 ГК РФ);

— обладатель авторских и смежных прав (гражданин), с которым не заключен договор о передаче полномочий по управлению правами (ст. 1244 ГК РФ);

— судовладелец и грузовладелец (их интересы в гражданском процессе представляет капитан судна согласно ст. 71 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, ст. 30 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации);

— граждане России в государстве пребывания, которые не в состоянии своевременно осуществить защиту своих прав и интересов (п. 8 Положения о Консульском учреждении Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 05.11.1998 № 1330);

— несовершеннолетние граждане России при организованном выезде за ее пределы без сопровождения родителей, усыновителей, опекунов или попечителей (ст. 22 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»);

— ответчик, место жительства которого неизвестно, в случае отсутствия у него представителя (ст. 50 ГПК РФ).

Отдельным видом законного представительства можно назвать **представительство** приемными родителями, оно возникает вследствие заключения договора о передаче ребенка на воспитание в семью, который заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями (ч. 1 ст. 151 СК РФ).

Представительство усыновителями возникает вследствие вынесения соответствующего решения судом и его вступления в законную силу. Основанием такого представительства является факт вынесения судом решения об усыновлении и вступления его в законную силу. Кроме того, в СК РФ, в ст. 140–144, предусмотре-

ны правила отмены усыновления, которые являются основанием прекращения законного представительства.

Основанием возникновения представительства опекунами и попечителями является акт суда или соответствующего органа государственной власти о назначении опеки или попечительства. На законного представителя возлагается обязанность по осуществлению прав и обязанностей представляемых.

На основании ч. 2 ст. 155.2 СК РФ детям, помещенным под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов возлагается на эти организации. Согласимся с позицией, что такая ситуация создает условия для возникновения барьеров, препятствующих реализации права на судебную защиту соответствующими категориями несовершеннолетних⁷.

В силу ст. 30 ГК РФ имущественные права и интересы такой категории лиц, как ограниченно дееспособные граждане, в судах представляют их попечители. Лица, ограниченные в дееспособности, самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным сделкам и за причиненный вред. Они вправе совершать мелкие бытовые сделки, но совершать иные сделки, получать доходы и распоряжаться ими могут только с согласия попечителя. Также представительство их интересов осуществляет попечитель. Однако суд обязан привлекать к участию в делах граждан, ограниченных в дееспособности.

К недееспособным относятся и граждане, которые вследствие психического расстройства не могут понимать значения своих действий или руководить ими и признанные таковыми судом. Над ними устанавливается опека, их интересы представляет опекун, выступающий в качестве законного представителя.

На практике возникают сложности в части определения характера представительства совершеннолетнего дееспособного лица, в отношении которого установлен патронаж.

В соответствии со ст. 41 ГК РФ над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности, может быть установлен патронаж, то есть орган опеки и попечительства назначает ему помощника с его согласия в письменной форме, а также с согласия в письменной форме гражданина, над которым устанавливается патронаж. Такой помощник совершает действия в интересах гражданина, находящегося под патронажем, на основании заключаемых с этим лицом договоров поручения, договора доверительного управления имуществом или иного договора. Хотя характер представительства в данном случае синонимичен законному представительству несовершеннолетних и недееспособных лиц, при этом в ст. 48 ГПК РФ, в которой содержится перечень лиц, выступающих в качестве законных представителей в суде, нет попечителей патронируемых граждан.

Данный вид представительства имеет как элементы законного представительства (поскольку патронаж устанавливается органами опеки и попечительства), так и элементы представительства по договору (поскольку фактически для этого необходим договор и согласие патронируемого гражданина). Гражданское процессуальное законодательство в рамках законного представительства не различает опекунов и попечителей, признавая их законными представителями подопечных.

Таким образом, понятие «**законный представитель**» может быть использовано для обозначения как специального правового статуса, так и процессуального статуса родителей или лиц, их замещающих, обратившихся в суд за защитой прав и законных интересов **несовершеннолетних**. Такие лица имеют особую заинтересованность в исходе дела: выступая в качестве законных представителей несовершеннолетних, они одновременно выполняют возложенную на них законом обязанность по защите прав и законных интересов несовершеннолетних и реализуют процессуальные права самих несовершеннолетних. В данном случае, условно говоря, уместно сравнение статуса таких лиц со статусом прокуроров в гражданском процессе, поскольку и те, и другие действуют от своего

⁷ Зайков Д.Е. Институт законного представительства в гражданском и арбитражном процессах: особенности правового регулирования и проблемы судебной практики // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 29–30.

имени, но в защиту прав и законных интересов иных лиц.

СК РФ устанавливает не право, а обязанность родителей и лиц, их заменяющих, защищать права и интересы несовершеннолетних (ст. 56 и 64). Такой подход законодателя обусловлен незрелостью детской психики, поскольку у ребенка отсутствуют в силу естественных причин необходимые навыки для самостоятельного приобретения, осуществления и защиты принадлежащих ему прав как материального, так и процессуального характера. В указанных нормах СК РФ речь идет не только о семейных, но и гражданских и иных правах, вытекающих из Конституции Российской Федерации и действующего законодательства.

Можно сделать вывод, что в зависимости от вида правовой связи между представителем и представляемым будет различаться и **статус законного представителя**. Так, набор прав и обязанностей опекуна будет существенно шире, чем набор прав и обязанностей попечителя, что обусловлено состоянием представляемого лица.

Специальный гражданско-процессуальный статус законного представителя тесно связан со статусом родителя или лица, заменяющего родителя, если речь идет о несовершеннолетних. При этом эти два статуса не являются тождественными

друг другу, а одно вытекает из другого. В специальный правовой статус «законного представителя несовершеннолетнего» подлежат включению специальная правоспособность, специальные права (обязанности), а также ответственность законного представителя, которые реализуются в материальных и процессуальных отношениях представительства, а также отношениях, которые не охватываются отношениями представительства.

Таким образом, законные представители действуют исключительно в целях восполнения неполной **дееспособности** граждан. В зависимости от возраста несовершеннолетнего или собственного статуса опекуна или попечителя законный представитель может или полностью замещать несовершеннолетнего в процессуальных правоотношениях, выступая от собственного имени, или по мере взросления несовершеннолетнего оказывать содействие в самостоятельной реализации своих процессуальных (или иных) прав и обязанностей. Степень самостоятельности несовершеннолетнего прямо коррелируется со степенью свободы законного представителя в интересах несовершеннолетнего: чем самостоятельнее несовершеннолетний, тем меньше правомочий в его отношении у законного представителя.

Литература

1. Зайков Д.Е. Институт законного представительства в гражданском и арбитражном процессах: особенности правового регулирования и проблемы судебной практики / Д.Е. Зайков // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 29–32.
2. Кокин А.В. Особенности правового содержания статуса законного представителя в юридическом процессе / А.В. Кокин // Вопросы экономики и права. 2012. № 11. С. 48–54.
3. Попова Д.Г. К вопросу о выделении специального правового статуса «законный представитель несовершеннолетнего» / Д.Г. Попова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 3 (40). С. 91–99.
4. Рузакова О.А. Вопросы представительства в свете реформы гражданского судопроизводства / О.А. Рузакова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 18–22.
5. Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе : диссертация кандидата юридических наук / Р.А. Сидоров. Тверь, 2003. 165 с.
6. Таирова А.Т. Законное представительство в гражданском процессе: некоторые проблемы теории и практики / А.Т. Таирова // Законодательство. 2020. № 5. С. 78–84.
7. Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде : монография / Е.Г. Тарло. Москва : Известия, 2004. 416 с.

Бардин Лев Николаевич,
доцент Департамента систем
судопроизводства и уголовного права
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
lbardiff@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-23-27

О правовых основах использования специальных знаний при рассмотрении гражданских дел*

Статья посвящена некоторым проблемам правового регулирования судебно-экспертной деятельности, сравнению норм действующего закона, модельных законов и правовых актов некоторых государств — членов СНГ. Обосновывается необходимость принятия федеральных законов о судебно-экспертной деятельности и об экспертизе и экспертной деятельности.

Ключевые слова: специальные знания, экспертная деятельность, эксперт, судебная экспертиза, закон, модельный закон, аккредитация, лицензия, судопроизводство.

В соответствии со ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Проведение экспертизы может быть поручено судебно-экспертному учреждению, конкретному эксперту или нескольким экспертам. Статьей 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) предусмотрено, что для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу. А в соответствии со ст. 83 АПК РФ экспертиза проводится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями, в соответствии с федеральным законом. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ) среди основных понятий указывает на судебную экспертизу, как на предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 9). Статьей 41

Закона № 73-ФЗ предусмотрено, что в соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. На судебно-экспертную деятельность таких лиц распространяется действие ст. 2, 3, 4, 6–8, 16 и 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24 и 25 настоящего Федерального закона. Но не распространяется действие ст. 13, устанавливающей профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту. В результате имеет место существенный недостаток действующего законодательства о судебно-экспертной деятельности, поскольку отсутствуют установленные государством какие-либо критерии профессионализма и квалификации негосударственных судебных экспертов. Если некая минимальная регламентация действий, прав и обязанностей негосударственных судебных экспертов в Законе № 73-ФЗ все-таки имеется, то создание и деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений в этом законе вообще обойдены молчанием. Между тем в научных публикациях отмечается, что большинство судебных экспертиз проводится именно негосударственными коммерческими и некоммерческими экспертными

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

организациями. При этом, отмечают коллеги, «процессуальный статус государственного и негосударственного экспертов един». А в процессуальном законодательстве нет четких критериев профессионализма и квалификации судебных экспертов. Как правильно отмечает М.В. Жижина, к причинам проблем судебно-экспертной деятельности относятся: 1) недостаточность профессиональной подготовки по экспертной специальности; 2) отсутствие контроля за деятельностью негосударственных экспертов; 3) методическая неопределенность и ведомственная разобщенность; 4) фактическое отсутствие у эксперта ответственности как за свою деятельность, так и за дачу заведомо ложного вывода¹.

Нельзя не согласиться и с тем, что, по мнению М.В. Жижиной, «как показала практика функционирования института негосударственной экспертизы, она вполне сформировалась как бизнес-проект, целью которого является получение прибыли. Очень многие „случайные“ люди, далекие от экспертной деятельности, восприняли негосударственную экспертизу как бизнес-структуру, способную помочь заработать немалые деньги. Основной принцип сферы оказания услуг — „клиент всегда прав“ — был ими положен в основу»². Критические высказывания относительно правового регулирования и практики судебно-экспертной деятельности содержатся в публикациях и других авторов³.

Полностью поддерживая принципиальную позицию профессора М.В. Жижиной, считаю необходимым призвать к своего рода «экспертной революции», подразумевая под ней принятие концептуально нового федерального закона о судебно-экспертной деятельности, систематизацию и унификацию судебной экспертизы, лицензирование, учет и контроль со стороны государства, ис-

пользование при создании и деятельности негосударственных экспертных организаций механизмов саморегулирования. На наш взгляд, более эффективным было бы не пытаться вносить всевозможные коррективы в явно не соответствующий требованиям сегодняшнего (а тем более завтрашнего) дня Закон № 73-ФЗ, а принятие нового закона. Как уже ранее отмечалось, в 2013 г. был разработан и внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Но, к сожалению, дальше принятия законопроекта в первом чтении дело не пошло. При целом ряде недостатков формулировок этого законопроекта он вполне мог быть использован как основа для последующего обсуждения, изменений и дополнений. В качестве основы для подготовки, обсуждения и принятия нового закона также можно использовать принятый Межпарламентской ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств (Постановление от 19.04.2019 № 49-8) Модельный закон «О судебно-экспертной деятельности»⁴. Представляют интерес и, в частности, могут быть использованы следующие нормы Модельного закона:

1. В соответствии со ст. 14 сведения о судебно-экспертных организациях (учреждениях), соответствующих требованиям ч. 1 и 2 настоящей статьи, вносятся в государственный реестр судебно-экспертных организаций (учреждений), порядок формирования и использования которого устанавливается уполномоченным органом государственной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции по согласованию с органами государственной власти, уполномоченными в области судебно-экспертной деятельности, с учетом ограничений по раскрытию сведений о государственных судебно-экспертных организациях (учреждениях). Судебную экспертизу могут осуществлять негосударственные некоммерческие организации, имеющие специальную правоспособность и созданные в соответствии с гражданским законода-

¹ Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления // Российский судья. 2020. № 5. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Верещагина А.В. Специальные знания в гражданском процессе: к истории вопроса // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 114–136; Павлова Е.В. Субъект производства судебной экспертизы как критерий оценки ее выводов // Законность. 2021. № 2. С. 54–58.

⁴ Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/>

тельством государства. Негосударственная некоммерческая судебно-экспертная организация должна иметь лицензию на занятие судебно-экспертной деятельностью, выданную органом государственной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции. Компетентность государственных и негосударственных некоммерческих организаций (учреждений) в сфере судебно-экспертной деятельности подтверждается добровольной аккредитацией, осуществляемой в порядке, установленном уполномоченным органом исполнительной власти.

2. Негосударственным судебным экспертом является работник негосударственной некоммерческой организации, осуществляющей судебно-экспертную деятельность, имеющий сертификат компетентности судебного эксперта по определенным видам судебных экспертиз и экспертной специальности, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, и которому поручено производство судебной экспертизы судом, органом (лицом), ее назначившим, или руководителем судебно-экспертной организации на основании представленных судом, органом или лицом, ее назначившим, процессуальных документов о назначении судебной экспертизы.

Заслуживает внимания (особенно в сравнении с вышеуказанным Модельным законом) Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 г. № 44-VI ЗРК (с изменениями и дополнениями) «О судебно-экспертной деятельности»⁵. Так, в Законе Республики Казахстан предусмотрено, что производство судебной экспертизы может быть поручено: сотрудникам органов судебной экспертизы; физическим лицам, занимающимся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии; иным лицам в разовом порядке в установленных законом случаях. При этом сведения о судебных экспертах, являющихся сотрудниками органов судебной экспертизы, а также лицах, имеющих лицензию на занятие судебно-экспертной деятельностью, вносятся в Государственный реестр судебных экспертов Республи-

ки Казахстан. Соответственно, по общему правилу производство судебной экспертизы поручается лицам, внесенным в Государственный реестр судебных экспертов Республики Казахстан. Установлены квалификационные требования, предъявляемые к судебным экспертам: 1) иметь высшее образование; 2) иметь квалификацию судебного эксперта, подтвержденную квалификационным свидетельством на право производства определенного вида судебной экспертизы; 3) быть аттестованным в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом. Важно отметить, что присвоение квалификации судебного эксперта осуществляется путем сдачи лицом квалификационного экзамена с выдачей ему квалификационного свидетельства судебного эксперта на право производства определенного вида судебной экспертизы. Предусмотрена аттестация судебных экспертов каждые пять лет, за исключением лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность более 20 лет. Законом предусмотрено создание Палаты судебных экспертов Республики Казахстан — некоммерческой профессиональной самофинансируемой организации, создаваемой для защиты прав и законных интересов членов Палаты, координации их деятельности, а также соблюдения ими законодательства Республики Казахстан о судебно-экспертной деятельности. Членство в Палате лиц, занимающихся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии, является обязательным. Законом предусмотрено образование на территории каждой области, города республиканского значения и столицы одной территориальной палаты судебных экспертов, являющейся филиалом Палаты. Приказом министра юстиции Республики Казахстан от 21 апреля 2020 г. № 5. утверждены Правила оказания государственной услуги «Выдача лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью, в том числе судебно-медицинской, судебно-наркологической и судебно-психиатрической экспертизами»⁶.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 24 июня 2013 г. № 100 «О судебно-экспертной деятельности» должность эксперта в государственных и негосударственных судебно-экспертных

⁵ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044#z955>

⁶ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020503>

организациях может занимать гражданин, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности. Определение уровня профессиональной подготовки экспертов осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями. Уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые 5 лет⁷.

Постановлением Президента Республики Узбекистан от 17 января 2019 г. № ПП-4125 «О мерах по дальнейшему совершенствованию судебно-экспертной деятельности» одобрено предложение Министерства юстиции Республики Узбекистан о разрешении на создание негосударственных судебно-экспертных организаций с предоставлением им права проведения некоторых видов судебных экспертиз по перечню. Кроме того, установлено: судебные эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций проходят курсы по переподготовке и повышению квалификации на платной основе в государственных учреждениях; лицам, окончившим курсы переподготовки и повышения квалификации в области судебной экспертизы, выдается сертификат судебного эксперта, подтверждающий их профессиональную компетентность и соответствие квалификационным требованиям, предъявляемым к судебным экспертам по соответствующей специализации; сведения о лицах, получивших сертификат судебного эксперта, включаются в Единый реестр, размещаемый на официальном веб-сайте Министерства юстиции Республики Узбекистан; производство судебной экспертизы судебным экспертом негосударственных судебно-экспертных организаций не допускается без получения сертификата судебного эксперта в установленном законодательством порядке⁸.

Даже краткое описание норм, регулирующих в вышеперечисленных государствах Центральной Азии судебно-экспертную деятельность, позволяет сделать вывод о наличии неких общих тенденций и подходов, в той или иной степени учитывающих рекомендации Модельного

закона «О судебно-экспертной деятельности». Еще более ценными для законодателей Российской Федерации являются выводы сравнительно-правового анализа, подготовленного К.Л. Брановицким, И.Г. Ренцем и И.В. Решетниковой⁹.

Недостатки правового регулирования судебно-экспертной деятельности приводят к ошибкам в судебной и иной правоприменительной практике. Так, Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) неоднократно указывал на то, что суды не обладают специальными познаниями. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ отмечается, что суд апелляционной инстанции в нарушение норм процессуального права выводы судебной экспертизы относительно некапитальности спорных строений признал противоречащими исследовательской части экспертизы при наличии в исследовательской части судебной экспертизы вывода о том, что исследуемые постройки относятся к постройкам некапитального типа и временным (лист 15 заключения эксперта), не обладая специальными познаниями в данной области, посчитал возможным самостоятельно сделать вывод о капитальности спорных построек, не поставив на обсуждение сторон вопрос о назначении соответствующей (повторной или дополнительной) судебной экспертизы либо о вызове и опросе эксперта¹⁰. Следующий пример: Суд апелляционной инстанции, не имея специальных познаний в этой области, при наличии сомнений в ранее данном заключении эксперта изменил решение суда без назначения в установленном порядке повторной или дополнительной экспертизы¹¹. Еще один из большого количества аналогичных примеров. Не обладая специальными познаниями в области почерковедения и криминали-

⁹ Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Решетникова И.В. Можно ли доверять эксперту, или Несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) // Закон. 2019. № 10. С. 43–54.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2020 г. № 9-КГ19-25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 30-КГ19-5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ URL: <http://sudexpert.gov.kg/zakon-o-sudebno-ekspertnoj-deyatelnosti-2/>

⁸ URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/4172026>

стики, суд первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, признавая заключенным договор займа от 28 декабря 2016 г. (в редакции дополнительного соглашения от 30.12.2016 № 1), указал на схожесть подписей в паспорте свидетеля Князевой А.В., являющейся в спорный период руководителем ООО ГК «Фавор», в договоре займа и в двух дополнительных соглашениях к данному договору. Данные выводы судебных инстанций нельзя признать правильными, поскольку установление данных обстоятельств требовало специальных познаний и имело существенное значение для правильного разрешения дела¹².

В условиях наличия пробелов в законодательстве и недостатков в судебной практике, и не дожидаясь корректировки нормативных актов и практики, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (далее — ФПА РФ) организовала проведение цикла вебинаров в рамках нового курса «Специальные знания в деятельности адвоката». Нельзя не отметить блестящие выступления всех без исключения лекторов на этих вебинарах. Несомненна польза от таких вебинаров для всего адвокатского сообщества. Также очевидна необходимость регулярного повторения подобных вебинаров для охвата максимального количества слушателей — адвокатов. В то же время представляется не совсем корректным говорить о том, что эти вебинары «будут способствовать получению адвокатами специальных знаний и

работе с экспертами». Да, эти вебинары дают очень много новых и актуальных знаний о том, как должны строиться отношения адвокатов как с экспертами, так и с судами и правоохранительными органами. Но не может быть знака равенства между совершенно верным убеждением Президента ФПА РФ Ю.С. Пилипенко, что «коллеги узнают немало секретов мастерства и получат прочие полезные инструкции», и теми специальными знаниями, которые могут быть присущи только экспертам. К тому же подготовленные адвокатом на основании блестящего знания секретов мастерства и полезных инструкций ходатайства о применении специальных знаний могут и не иметь шансов на успех в связи с применением судом дискреционных полномочий. Чем качественнее будет новый закон о судебно-экспертной деятельности, тем меньше будет возможностей для такого усмотрения, которое мешает принятию судом законного и обоснованного решения и, соответственно, обеспечению конституционного права на судебную защиту.

Принятие выверенного эффективного закона о судебно-экспертной деятельности не станет панацеей, поскольку наряду с ним необходим консолидированный закон об экспертизе и экспертной деятельности, включающий в себя нормы не только судебной, но и внесудебной экспертизы и учитывающий рекомендации принятого Постановлением Межпарламентской ассамблеи Государств — участников Содружества Независимых Государств от 13 апреля 2018 г. № 47-7 Модельного закона «Об экспертизе и экспертной деятельности». Но это уже тема для других публикаций.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2019 г. № 18-КГ19-118, 2-9407/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Брановицкий К.Л. Можно ли доверять эксперту, или Несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, И.В. Решетникова // Закон. 2019. № 10. С. 43–54.
2. Верещагина А.В. Специальные знания в гражданском процессе: к истории вопроса / А.В. Верещагина // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 114–136.
3. Жижина М.В. Актуальные проблемы современной практики проведения судебно-почерковедческой экспертизы и пути их преодоления / М.В. Жижина // Российский судья. 2020. № 5. С. 21–28.
4. Павлова Е.В. Субъект производства судебной экспертизы как критерий оценки ее выводов / Е.В. Павлова // Законность. 2021. № 2. С. 54–58.

Чернов**Константин Николаевич,**старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального права
Казанского филиала Российского
государственного университета
правосудия
2731654@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-28-29

Компенсация как средство возмещения вреда за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки

В статье рассматриваются вопросы о роли компенсации как одного из наиболее эффективных средств возмещения вреда за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки. Каждый субъект права, чье право на судопроизводство в разумные сроки нарушено, вправе обратиться с соответствующим заявлением и после вынесения судебного акта о взыскании компенсации получить справедливое материальное возмещение за длительность ожидания выносимого судебного акта.

В данной статье целью исследования является комплексный анализ выплаты денежного возмещения заинтересованным субъектам права в производстве по присуждению компенсации за нарушение судопроизводства в разумный срок в арбитражном процессе. Результатом исследования является удовлетворение заявленных требований заинтересованных субъектов и получение справедливой денежной компенсации.

Компенсация является своеобразной денежной гарантией защиты нарушенных конституционных прав российских граждан в связи с тем, что были нарушены разумные сроки судебного разбирательства в арбитражном процессе.

Ключевые слова: возмещение вреда, компенсация, право на судопроизводство, разумные сроки, арбитражный процесс.

В современный период времени, когда правам и свободам человека и гражданина уделяется существенное внимание как со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, так и со стороны ученых-цивилистов, занимающихся вопросами проблем защиты прав российских граждан, возникающих в том числе и в системе арбитражного процесса, встает вопрос и о средствах возмещения вреда, нанесенного вынесенными судебными актами с нарушением сроков судебного разбирательства. В связи с этим важную роль как одно из средств возмещения причиненного вреда играет выплаченная материальная компенсация.

В современной цивилистической доктрине компенсация в системе арбитражного процесса является относительно «новым» способом защиты, но в то же время необходимым и являющимся важной гарантией в системе прав и свобод человека и гражданина. Связано это, прежде всего, с возмещением материальных средств российским гражданам, чьи права нарушены данным видом производства. Компенсационное производство занимает одну из важных ролей в системе арбитражного процессуального права, что, в свою очередь, является важным элементом задач арбитражного судопроизводства.

«...Задачи судопроизводства в арбитражных судах „направлены” на обеспечение судебной защиты как конечной цели правосудия и эффективности функционирования всей судебной системы...»¹ в целом.

Данные задачи должны быть верно и с соблюдением всех процессуальных сроков достигнуты на основании того, что посредством установления «разумных» сроков будет рассмотрено и разрешено то или иное дело по существу с вынесением судебного акта, в том числе и в производстве по присуждению компенсации за нарушение прав граждан на судопроизводство в разумные сроки.

Производство по присуждению компенсации взаимосвязано с институтом защиты права на судопроизводство в разумный срок, существующим в Российской Федерации с 2010 г. Для того чтобы более детально проанализировать правовой институт защиты права на судопроизводство в разумный срок, необходимо изучить понятие принципа разумности, являющегося одним из важных признаков рассмотрения дела в арбитражном процессе.

¹ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. 1071 с.

Принцип разумности — это принцип, который используется правоприменителями, необходимый в оценке всех материалов дела, находящий свое формальное отражение в нормах арбитражного процессуального законодательства, являющийся при этом одним из общеправовых принципов².

Правоприменители обращаются к данному принципу по ряду рассматриваемых ими дел, в частности, при определении размера компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства.

«...Суды общей юрисдикции и арбитражные суды руководствуются принципом разумности при осуществлении правосудия и оценке действий сторон в рамках рассмотрения дела...»³.

В ходе рассмотрения заявления установлению подлежат факты, свидетельствующие о наличии вреда, причиненного вынесенными судебными актами за нарушение судопроизводства в разумные сроки, субъекты, имеющие право на получение компенсации, и все обстоятельства дела, рассмотренного в арбитражном суде.

«...Гарантии обеспечения права граждан России, иностранных граждан, лиц, не имеющих гражданства, российских, иностранных и международных организаций в судебном процессе, являющихся сторонами/третьими лицами, заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора, формально закреплены федеральным законодательством, регла-

ментирующим вопросы о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки...»⁴, на основании которого нарушение вышеуказанных прав является основанием для присуждения заинтересованным лицам справедливой денежной компенсации⁵. В данном нормативно-правовом акте достаточно четко регламентирован порядок выплаты компенсации за нарушение права заинтересованных лиц на судопроизводство в разумный срок.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что присуждение компенсации за нарушение прав российских граждан на судопроизводство в разумные сроки является не только важным и эффективным средством защиты, но и справедливой денежной гарантией в механизме защиты прав граждан России на рассмотрение судопроизводства в разумные сроки. Этот факт будет свидетельствовать о том, что граждане, чьи права на судопроизводство в разумные сроки нарушены, имеют право обратиться с соответствующим заявлением в арбитражный суд для восстановления своих нарушенных прав. Компенсация, которую они могут получить по итогу рассмотрения их заявления, будет являться одним из важнейших средств в качестве возмещения вреда, причиненного вынесенными судебными актами с нарушением норм российского отраслевого законодательства.

² Власенко Н.А. Разумность и право: связь явления и пути исследования // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 45–57.

³ Белякова А.В. Проблемы защиты прав на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : монография / отв. ред. С.С. Завриев. М. : Юстицинформ, 2020. 172 с.

⁴ Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок» (ред. от 19.12.2016 № 450-ФЗ) // Российская газета. 2010. 4 мая.

⁵ Арбитражный процесс : учебное пособие для студентов вузов / Н.Д. Эриашвили, Л.В. Туманова, О.В. Исаенкова и др. ; под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Эриашвили. 8-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 479 с.

Литература

1. Арбитражный процесс : учебное пособие для студентов вузов / Н.Д. Эриашвили, Л.В. Туманова, О.В. Исаенкова [и др.] ; под редакцией Л.В. Тумановой, Н.Д. Эриашвили. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. 479 с.
2. Белякова А.В. Проблемы защиты прав на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : монография / А.В. Белякова; ответственный редактор С.С. Завриев. Москва: Юстицинформ, 2020. 172 с.
3. Власенко Н.А. Разумность и право: связь явления и пути исследования / Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 45–57.
4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Статут, 2020. 1071 с.

Волчанский**Михаил Алексеевич,**

магистр частного права
 Российской школы частного права,
 заместитель руководителя и преподаватель
 департамента частного права
 Национального исследовательского
 университета «Высшая школа экономики»
 (НИУ ВШЭ)
 mavolchanskiy@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-30-35

Возможность использования залогодержателем механизма процессуального правопреемства при реализации прав, установленных п. 3 ст. 358.6 ГК РФ

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о том, вправе ли залогодержатель при залоге прав (требований), реализуя установленные п. 3 ст. 358.6 ГК РФ права, осуществить процессуальное правопреемство с залогодателя на себя. Автор отмечает отсутствие единообразия судебной практики по данному вопросу: в одних случаях суды не видят оснований удовлетворять заявление залогодержателя о правопреемстве, в других, напротив, суды считают необходимым осуществить процессуальную замену залогодателя на залогодержателя.

Автор соглашается с тем, что залог прав требований автоматически не приводит к цессии требования, то есть полного выбытия залогодателя из отношений с должником по заложенному требованию не происходит. Вместе с тем данное положение, по мнению автора, не должно влечь вывода о том, что залогодержатель не вправе рассчитывать на процессуальное правопреемство. Напротив, ввиду необходимости сохранения обеспечительной функции залога обязательств после просрочки обеспечиваемого долга уполномоченным получателем исполнения по заложенному требованию следует признавать исключительно залогодержателя, в то время как соответствующие права кредитора-залогодателя надлежит считать не подлежащими реализации.

Изложенное, по мнению автора, позволяет признать за залогодержателем возможность использования механизма процессуального правопреемства в рассматриваемой ситуации.

Ключевые слова: обеспечение обязательств, залог, залог обязательственных прав (требований), процессуальное правопреемство.

1. Постановка проблемы

В настоящее время в отечественных процессуальных кодексах прямо закреплена возможность осуществить процессуальное правопреемство в случае выбытия одной из сторон из соответствующего правоотношения (см., к примеру, ст. 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 48 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)).

Между тем отечественная судебная практика не пришла к единообразию в вопросе о том, допустимо ли залогодержателю права требования, реализующему свое правомочие на получение исполнения по заложенному требованию (п. 3 ст. 358.6 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), использовать механизм процессуального правопреемства, заменяя собой в судебном процессе фигуру залогодателя.

Особенную остроту данная проблема приобретает, когда залогодатель уже успел

выиграть иск к своему должнику (требование к которому заложено), однако нарушил обеспечиваемое обязательство перед залогодержателем. В такой ситуации последний не может реализовать предусмотренные п. 3 ст. 358.6 ГК РФ права посредством самостоятельного иска или заявления о вступлении в процесс между залогодателем и его должником в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями: по последнему уже вынесено решение в пользу залогодателя.

2. Позиция отечественной судебной практики

Применительно к приведенной выше ситуации в отечественной практике имеется позиция о том, что залогодержатель не уполномочен заменять собой фигуру залогодателя в процессе. Так, в одном из дел суд отклонил соответствующее ходатайство залогодержателя о правопреемстве (в названном деле залог требований возник в силу судебного ареста по п. 5 ст. 334 ГК РФ),

указав, что это будет противоречить ст. 48 АПК РФ¹. Подробных аргументов суд не приводит, но, исходя из подчеркнутых судом в начале страницы № 3 слов «уступка требования», можно сделать вывод, что суд первой инстанции посчитал, что поскольку залог требований автоматически не предполагает уступку последних, то выбытия залогодателя из правоотношений не произошло, следовательно, оснований для процессуального правопреемства не имеется.

Однако российская судебная практика также содержит примеры и противоположной логики.

В частности, в одном из дел суды рассматривали спор между покупателем и продавцом прав (требований) о наличии оснований для процессуального правопреемства. Покупная цена за продаваемое требование была уплачена лишь частично. Учитывая это обстоятельство, кассационный суд указал, что в силу закона (п. 5 ст. 488 ГК РФ) требования продавца об уплате покупной цены были обеспечены залогом соответствующего требования. По мнению кассационного суда, статус залогодержателя позволяет продавцу использовать права, указанные в п. 3 ст. 358.6 ГК РФ, в том числе требовать в свою пользу исполнения от должника по заложенному требованию в пределах объема цены, не уплаченной по договору купли права. В связи с этим суд кассационной инстанции, на основании ст. 48 АПК РФ, посчитал возможным в сообразной части осуществить процессуальное правопреемство с залогодателя на залогодержателя².

3. Анализ представленных позиций

3.1. Допустимость объяснения залога прав (требований) через институт цессии

Представляется, что анализ вышеприведенных позиций следует начать с обсуждения затронутого выше вопроса о том, означает ли установление залога в отношении права (требования) передачу (в частности, цессию) соответствующего требования от залогодателя к залогодержателю? Тем более что положительный ответ на данный вопрос автоматически будет означать необходимость

признания за залогодержателем возможности использования механизма процессуального правопреемства.

Следует отметить, что изначально залог прав (требований) не рассматривался большинством ученых именно в качестве подлинного залога³. Некоторые авторы объясняют это тем, что залог в классическом его понимании (также его понимали и пандектисты) представляет собой ограниченное вещное право в отношении **телесного объекта**⁴. Поскольку же предметом залога в нашем случае является право, рядом авторов делался вывод о не вещно-правовой природе данного института, и, согласно данной логике, о залоге как ограниченном вещном праве в таком случае нельзя вести речь⁵. Исходя из этого, Л.А. Кассо заключал, что невозможность подвести залог прав под понятие вещного права побудила юристов объяснить природу указанного института через цессию⁶. Однако, вероятно, данное объяснение нельзя признать удачным. Наиболее видные представители цессионных теорий объяснения залога требований (к примеру, Г. Дербург, К. Мюленбрух) не использовали для обоснования своей позиции подобную аргументацию. Кроме того, даже в XIX в. Б. Виндшейд называл залог прав вещным правом (*dingliches Recht*)⁷. В проекте Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) 1888 г. и в итоговой редакции ГГУ 1896 г. залог прав был помещен в раздел вещное право⁸. Современное немецкое право также рассматривает залог прав (*Pfandrecht an Rechten*) в качестве вещного (*dingliches Recht*)⁹.

Представляется, что основной причиной объяснения залога прав через цессию служило наличие у залогодержателя *полномочия*

³ Стругов В.Г. О зкладе долговых требований. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2011. № 5.

⁴ Дербург Г. Пандекты: Вещное право: в 2 т. / под ред. А.Ф. Мейендорф; пер. с нем. А.Ю. Блох, А.Я. Гальперн; соавт. И. Бирман. 6-е изд., испр. СПб., 1905. Т. 2. С. 268; Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2014. С. 286.

⁵ Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 174.

⁶ Там же. С. 174–175.

⁷ Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts in drei Bänden. Düsseldorf: Erstauflage, 1862. S. 589–591.

⁸ Collin D. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. 3 Bd. Berlin; Leipzig: J. Guttentag, 1888. S. 850–869.

⁹ Pruetting H. Sachenrecht. Ein Studienbuch. 32 Auflage. Muenchen: C.H. Beck, 2010. S. 8.

¹ Определение Арбитражного суда Пермского края от 23 марта 2021 г. по делу № А50-38192/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b42c9433-31f4-4c1f-83c2-bef62430fb6e>

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 октября 2019 г. № Ф09-5984/19 по делу № А34-9642/2018 (оставлено в силе Определением Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2020 № 309-ЭС19-263900 // СПС «КонсультантПлюс».

на получение исполнения от должника залогодателя в случае, если обеспечиваемое обязательство было нарушено. Статус залогодержателя в таких случаях очень похож на положение цессионария при уступке права требования. Именно отсюда берут начало теории, согласно которым сущностью залога обязательственных требований являются притязания «залогодержателя» к должнику залогодателя о предоставлении объекта долга¹⁰. Сторонники данного взгляда не считают залог прав особым юридическим явлением, а видят в нем лишь подобие «настоящего» залога телесных вещей¹¹. В рамках такого подхода выделяются несколько направлений.

Приверженцы первого рассматривают залог обязательственных прав в качестве условной цессии¹². Данная теория видит в залоге требований сделку, совершенную под отлагательным условием. В частности, предполагается, что после определенного условия (в данном случае после неисполнения основного обязательства) от залогодателя к залогодержателю через цессию переходит «заложенное» право¹³.

Второе же «цессионное» направление к пониманию залога прав рассматривает залог требований как ограниченную цессию¹⁴. Так, Г. Дёрнбург обосновывает данную позицию тем, что право кредитора по залому долгового требования, в конце концов, сводится к притязанию по отношению к должнику этого требования. Заклад требований, согласно данной точке зрения, возможен лишь в том смысле, что залогодержателю передается право осуществления требования¹⁵. «Цессия», таким образом, происходит в момент совершения сделки, однако «цессионарий» ограничен в своих правах теми пределами, которые необходимы для обеспечения основного требования¹⁶.

Довольно близко к теории ограниченной цессии приближается воззрение К. Гельвига, по мнению которого заклад долговых требо-

ваний основывает сингулярное правопреемство этого требования¹⁷. Так, эта теория предполагает, что залогодержатель является правопреемником залогодателя в необходимой для обеспечения основного обязательства части требования.

Между тем изложенные концепции не способны последовательно объяснить ряд вопросов и последствий осуществления залога прав (требований), в том числе: почему залогодержатель — «новый кредитор» получает не собственность, а право залога на предмет исполнения по заложенному требованию, почему «цессионарий» уполномочен получить исполнение лишь в размере обеспечиваемого долга, почему «цедент»-залогодатель даже после просрочки основного обязательства и залога-«цессии» продолжает обладать распорядительной властью в отношении заложенного требования (включая возможность цедировать или отдать требование в последующий залог), почему при удовлетворении требований «цессионария» по обеспечиваемому обязательству залогодатель может самостоятельно реализовывать все полномочия по заложенному требованию, хотя обратной «цессии» не произошло, и т.д.¹⁸

Представляется, что наиболее последовательное и естественное объяснение институту залога прав можно видеть в теории прав на права. Так, согласно взгляду Ф. Бремера¹⁹, залоговое право на право требования является таким же, как и залог телесных вещей, просто в отношении обязательственного права. Для предмета залога, справедливо отмечает Р. Зом, прежде всего, необходимо, чтобы он обладал имущественной ценностью (*Vermögenswerth*), а будет этим предметом телесные или бестелесные объекты, уже не так важно²⁰.

Последовательное объяснение института залога обязательственных прав также можно дать при помощи конструкции ограниченного вещного права. Суть права залога состоит в предоставлении залогодержателю

¹⁰ Дёрнбург Г. Указ. соч. С. 336 ; Стругов В.Г. Указ. соч. ; Muehlenbruch C.F. Die Lehre von der Zession der Forderungsrechte. Greifswald, 1835. S. 519.

¹¹ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 371.

¹² Главными разработчиками и последователями данной теории являются Мюленбрух и Пухта. См.: Стругов В.Г. Указ. соч.

¹³ Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. Киев, СПб., 1911. С. 204.

¹⁴ Дёрнбург Г. Указ. соч. С. 336.

¹⁵ Стругов В. Г. Указ. соч. ; Grimm Д.Д. Указ. соч. С. 302.

¹⁶ Звоницкий А.С. Указ. соч. С. 206.

¹⁷ Hellwig K. Die Verpfändung und Pfändung von Forderungen. Leipzig, 1883. S. 54–55.

¹⁸ См. подр.: Волчанский М.А. Залог обязательственных прав // Договоры и обязательства : сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации : в 3 т. / отв. ред. А.В. Егоров. М., 2019. Т. 3. С. 402–410.

¹⁹ Bremer F.P. Das Pfandrecht und die Pfandobjecte eine Dogmatische Untersuchung auf Grundlage des Gemeinen Rechts. Leipzig : Tauchnitz, 1867. S. 30.

²⁰ Sohm R. Die Lehre vom Subpignus. Eine von der Rostocker Juristenfacultät gekrönte Preisschrift. Rostock, Stiller, 1864. S. 42–45.

такого господства над вещью, которое общает правомочия, позволяющие извлечь из предмета обременения ценность, которая направляется на погашение обеспечиваемого долга²¹. Притом, как и полагается ограниченному вещному праву, такое господство над предметом носит абсолютный характер: залогодержатель располагает средствами защиты заложенного имущества от неопределенного круга третьих лиц; залог по общему правилу не прекращается в случае отчуждения предмета обременения залогодателем третьему лицу; содержание права залога установлено законом, обременению подлежит лишь индивидуализированный предмет, право залога приоритетно перед обязательственными правами. Все указанные традиционные вещные признаки залога имеют место и при залоге прав требований²². Основная разница между залогом вещей и залогом требований состоит в том, что объектом залога требований является *res incorporales*, что контрастирует с классическим пониманием отечественной доктриной вещного права как субъективного права в отношении материального (физически осязаемого) объекта²³. Между тем, учитывая, что указанные выше традиционные признаки вещных прав присущи и залогоу обязательственных прав, представляется непоследовательным позиционирование залога требований не в качестве вещного права. Тем более что можно рассматривать любое ограниченное вещное право как право, объектом которого всегда выступает *res incorporalis*, а именно отдельная хозяйственная функция имущества²⁴.

3.2. Обоснованность использования залогодержателем механизма процессуального правопреемства

В связи с изложенным автор полагает, что приведенная в п. 2 настоящей статьи

позиция судебной практики о том, что институты залога прав (требований) и уступки требования следует разделять, несмотря на наличие у залогодержателя *jus exigendi* (установленного в нашем праве п. 3 ст. 358.6 ГК РФ), является обоснованной.

Между тем, вопреки выводам судебной практики по первой позиции, отрицающей возможность процессуального правопреемства, **из названного постулата не следует выводить необходимость отказа в признании за залогодержателем правом на осуществление процессуального правопреемства.**

Действительно, даже при использовании залогодержателем права на получения исполнения по заложенному требованию (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) формально полного выбытия залогодателя из правоотношения не происходит: последний остается кредитором должника залогодателя.

Более того, как обоснованно указывает Р.С. Бевзенко²⁵, что никакого перевода прав кредитора в силу п. 3 ст. 358.6 ГК РФ не происходит, прямо предопределяется п. 2 и 3 ст. 358.8, устанавливающими необходимость отдельного соглашения для перевода кредиторских прав залогодателя на залогодержателя.

Между тем, несмотря на наличие статуса залогодателя как кредитора по заложенному требованию, ввиду необходимости сохранения обеспечительной функции залога обязательств после просрочки обеспечиваемого обязательства, уполномоченным **получателем исполнения по заложенному требованию следует признавать исключительно залогодержателя**, в то время как соответствующие права кредитора-залогодателя надлежит считать не подлежащими реализации²⁶.

Данный постулат можно доктринально объяснить несколькими способами²⁷:

1) доктриной «субординационной множественности кредиторов», в рамках которой залогодатель и залогодержатель оба рассматриваются как кредиторы должника по заложенному требованию, однако должник обязан осуществлять исполнение

²¹ Кассо Л.А. Русское поземельное право. М. : Книжный магазин И.К. Голубева, под фирмой «Правоведение», 1906. С. 234.

²² Бевзенко Р.С. Статья 334. Понятие залога // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 241.

²³ Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017.

²⁴ Дождев Д.В. Римское частное право : учебник для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 455 ; Его же. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей // Закон. 2016. № 6.

²⁵ Бевзенко Р.С. Статья 358.6. Исполнение обязательства должником залогодателя // Договорное и обязательственное право (общая часть)... С. 399.

²⁶ См. подр.: Волчанский М.А. Последствия нарушения должником залогодателя обязанности по исполнению заложенного требования в пользу залогодержателя (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6.

²⁷ Там же.

исключительно в адрес залогодержателя как «старшего» кредитора;

2) доктриной «замещающего представительства», в рамках которой залогодержатель может рассматриваться в качестве законного представителя залогодателя, при этом соответственно представительство будет иметь нестандартный «замещающий эффект»: полномочия, которыми обладает представитель-залогодержатель, не являются доступными для реализации представляемым — залогодателем.

Отдельным образом следует констатировать, что развитые западные правовые порядки (в частности, немецкий и французский) также приходят к выводу о том, что после просрочки по обеспечиваемому обязательству только залогодержатель (не залогодатель) вправе требовать исполнения по заложенному требованию в свою пользу²⁸. Представляется, что такая же логика заложена и в п. 3 ст. 358.6 ГК РФ.

Таким образом, после того как залогодатель не исполнил обеспечиваемые обязательства, должник с точки зрения материального права (в силу п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) обязан после получения надлежащего уведомления исполнять заложенное требование исключительно в адрес залогодержателя.

С учетом изложенного представляется, что в ситуации уже выигранного залогодателем процесса по взысканию долга с должника по заложенному требованию²⁹ залогодержатель абсолютно точно вправе рассчитывать на процессуальное правопреемство с залогодержателя на себя.

Именно такая логика абсолютно правомерно была поддержана в вышеприведенном Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 23 октября 2019 г. № Ф09-5984/19 по делу № А34-9642/2018, оставленном в силе Определением Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2020 г. № 309-ЭС19-26390.

²⁸ См., напр.: Статья 2363 Гражданского кодекса Франции ; § 1282 Германского гражданского уложения // СПС «КонсультантПлюс» ; Prütting H., Wegen G., Weinreich G. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. 4. Auflage. München, 2009. § 1282. Rn. 2 (G. Nobbe).

²⁹ В ситуации, когда процесс по взысканию долга еще не завершен, представляется, что залогодержатель вправе (при отсутствии согласия залогодателя на правопреемство) вступить в дело в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования (аналогично п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54).

4. Выводы

На основании изложенного следует констатировать, что в настоящее время отечественная судебная практика не пришла к единообразию в вопросе о том, допустимо ли залогодержателю права требования, реализующего свое правомочие на получение исполнения по заложенному требованию (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ), использовать механизм процессуального правопреемства, заменяя собой в судебном процессе фигуру залогодателя после вынесения решения о взыскании долга в пользу залогодателя. По этому вопросу удалось обнаружить несколько позиций:

1) о недопустимости такого правопреемства ввиду того, что залог прав требований не является цессией, вследствие чего залогодатель после залога автоматически не выбывает из правоотношений с должником и не должен быть заменен на залогодержателя;

2) о допустимости такого правопреемства ввиду наличия у залогодержателя законодательно закрепленного права на получение исполнения по заложенному требованию в свою пользу.

Исходя из анализа теорий, объясняющих природу института залога обязательственных прав (требований), следует прийти к выводу о том, что цессионные концепции не способны последовательно и непротиворечиво описать залог требований, в связи с чем последний не является цессией.

Между тем представляется неверным делать из этого вывод о том, что залогодержатель не вправе рассчитывать на процессуальное правопреемство при реализации прав, гарантированных п. 3 ст. 358.6 ГК РФ.

Напротив, ввиду необходимости сохранения обеспечительной функции залога обязательств после просрочки обеспечиваемого обязательства уполномоченным получателем исполнения по заложенному требованию следует признать исключительно залогодержателя, в то время как соответствующие права кредитора-залогодателя надлежит считать не подлежащими реализации.

Как показано выше, такая логика может быть обоснована доктринально, применяется в развитых западных правовых порядках и соответствует отечественному п. 3 ст. 358.6 ГК РФ.

Изложенное позволяет признать за залогодержателем возможность использования механизма процессуального правопреемства в рассматриваемой ситуации. Противоположная позиция делает норму п. 3 ст. 358.6 ГК РФ нереализуемой, если долг уже был взыскан залогодателем, а залог требований в такой ситуации — бессмысленным.

Литература

1. Бевзенко Р.С. Статья 358.6. Исполнение обязательства должником залогодателя / Р.С. Бевзенко // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2017. С. 396–399.
2. Бевзенко Р.С. Статья 334. Понятие залога / Р.С. Бевзенко // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2017. С. 239–258.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права / Е.В. Васьковский. Москва : Статут, 2003. 380 с.
4. Волчанский М.А. Залог обязательственных прав / М.А. Волчанский // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. В 3 томах. Т. 3 / ответственный редактор А.В. Егоров. Москва : ИЦЧП, 2019. С. 402–410.
5. Волчанский М.А. Последствия нарушения должником залогодателя обязанности по исполнению заложенного требования в пользу залогодержателя (п. 3 ст. 358.6 ГК РФ) / М.А. Волчанский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 79–99.
6. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм ; под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2014. 495 с.
7. Дернабург Г. Пандекты: Вещное право. В 2 томах. Т. 2 (Т. 1: Ч. 2) / Г. Дернабург ; под редакцией А.Ф. Мейендорф ; перевод с немецкого А.Ю. Блох, А.Я. Гальперн ; соавтор И. Бирман. 6-е изд., испр. Санкт-Петербург : Государственная тип., 1905. 376 с.
8. Дождев Д.В. Римское частное право : учебник для студентов высших учебных заведений / Д.В. Дождев ; под общей редакцией В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2013. 783 с.
9. Дождев Д.В. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей / Д.В. Дождев // Закон. 2016. № 6. С. 6–19.
10. Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву / А.С. Звоницкий. Киев ; Санкт-Петербург : Н.Я. Оглоблин, 1911. 401 с.
11. Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве / Л.А. Кассо. Москва : Статут, 1999. 238 с.
12. Кассо Л.А. Русское поземельное право / Л.А. Кассо. Москва : Книжный магазин И.К. Голубева, под фирмой «Правоведение», 1906. 260 с.
13. Струков В.Г. О закладе долговых требований (*de pignore nominum*). Часть вторая / В.Г. Струков // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 164–244.
14. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2017. 559 с.

References

1. Bremer F.P. Das Pfandreht und die Pfandobjecte eine Dogmatische Untersuchung auf Grundlage des Gemeinen Rechts / F.P. Bremer. Leipzig : Tauchnitz, 1867. 230 s.
2. Collin D. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich / D. Collin. 3 Band. Berlin und Leipzig : J. Guttentag, 1888. S. 850–869.
3. Hellwig K. Die Verpfändung und Pfändung von Forderungen / K. Hellwig. Leipzig : Duncker & Humblot, 1883. 249 s.
4. Muehlenbruch C.F. Die Lehre von der Zession der Forderungsrechte / C.F. Muehlenbruch. Greifswald, 1835. 631 s.
5. Pruetting H. Sachenrecht. Ein Studienbuch / H. Pruetting. 32 Auflage. Muenchen : C.H. Beck, 2010. 433 s.
6. Prütting H. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / H. Prütting, G. Wegen, G. Weinreich. 4 Auflage. München, 2009. 173 s.
7. Sohm R. Die Lehre vom Subpignus. Eine von der Rostocker Juristenfacultät gekrönte Preisschrift / R. Sohm. Rostock, Stiller, 1864. 242 s.
8. Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts in drei Bänden / B. Windscheid. Düsseldorf : Erstaufgabe, 1862. 663 s.

Тряпочкин**Никита Андреевич,**аспирант, ассистент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
Nick109Usla@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-36-40

Конкуренция судебных признаний в гражданском и арбитражном процессе

В статье исследуется проблема существования в отечественном гражданском и арбитражном процессе такого явления, как конкуренция судебных признаний. Автор полагает, что конкуренция судебных признаний применительно к распорядительной теории понимания института судебного признания не является для нее чем-то новым. В то же время в процессуальной науке недостаточно исследованы вопросы, связанные с механикой разрешения возможных противоречий. В этой связи автором предлагается в зависимости от субъектного критерия рассматривать четыре принципиально разные ситуации: конкуренцию признаний соучастников; конкуренцию признаний нескольких представителей одного доверителя; конкуренцию признаний доверителя и его представителя; конкуренцию признаний третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, и той стороны, на которой оно участвует в процессе. Для каждого из рассматриваемых случаев в итоге предлагается определенное процессуальное решение, которым правоприменитель должен руководствоваться в рамках распорядительной теории судебного признания.

Ключевые слова: суд, признание фактов, основания освобождения от доказывания, конкуренция признаний, гражданское дело, гражданский процесс, арбитражный процесс, лица, участвующие в деле.

По верному замечанию профессора О.Н. Шеменевой, институт судебного признания обстоятельств уходит своими корнями глубоко в прошлое нашей страны¹. На протяжении всего своего существования на территории отечественного правового пространства, начиная еще с дореволюционной эпохи, он породил вокруг себя немало дискуссий. Основной из них по-прежнему выступает та, где ученые спорят относительно правовой природы судебного признания. Часть ученых на протяжении десятков лет придерживается доказательственной теории понимания сущности судебных признаний². Другая,

напротив, апеллирует в своих рассуждениях к распорядительной теории, воспринимая любое признание как акт распоряжения стороной своей волей³.

Существует для названных теорий и общий проблемный аспект, связанный с субъектным составом лиц, участвующих в деле, которым законом предоставлено право заявлять суду судебное признание. Среди исследователей нет единства в понимании того, должны ли этим правом наделяться, в частности, третьи лица (как заявляющие, так и не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора). Так, например, профессор А.Ф. Клейнман выразил положительное отношение к вопросу отнесения третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, к числу возможных

¹ Шеменова О.Н. Признания и соглашения по обстоятельствам дела в гражданском судопроизводстве: учебное пособие. М.: Infotropic Media, 2013. С. 3.

² См., напр.: Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки. 1914. Вып. IV (XXII). С. 604–633; Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права М.М. Михайлова. СПб.:

Тип. II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. С. 127.

³ См., напр.: Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев, С. 292; Калинин М.И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. С. 11–16.

заявителей признания⁴. Известный до-революционный юрист Г.Л. Вербловский, напротив, отстаивал ту точку зрения, что третье лицо, не имеющее в процессе самостоятельных притязаний, не может быть заявителем признания, тем самым каким-либо образом обременяя в этом плане ту сторону, на которой она участвует в процессе⁵. Та же проблема существует и в отношении института судебного представительства, а также процессуального соучастия. Однако далее в наших рассуждениях по вопросу конкуренции признаний мы будем придерживаться той позиции, согласно которой все названные выше субъекты (и третьи лица обеих категорий, и судебные представители лиц, участвующих в деле, и соучастники) вправе заявить суду признание отдельно взятых фактов.

Итак, под конкуренцией судебных признаний мы понимаем ситуацию, когда в отношении одного утверждения суду будет заявлено несколько признаний и каждое из них будет содержать информацию, противоречащую другому признанию.

Круг субъектов, среди которых может возникнуть обозначенное явление, может выглядеть совершенно по-разному. Полагаем, что по субъектному критерию возможны как минимум четыре ситуации:

а) конкуренция среди «разноуровневых» субъектов:

— конкуренция признаний доверителя и его представителя;

— конкуренция признаний третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, и той стороны, на которой оно участвует в процессе;

б) конкуренция среди «одноуровневых» субъектов:

— конкуренция признаний соучастников;

— конкуренция признаний нескольких представителей одного доверителя.

Прежде чем перейти к рассмотрению всех обозначенных ситуаций, заметим,

что, во-первых, используемые нами описательные элементы, «одноуровневые» и «разноуровневые», здесь, конечно, существуют довольно условно. Под ними мы понимаем статус субъекта гражданского процесса и тот набор прав и обязанностей, которым он обладает. В целом для заявления судебного признания объем процессуальных прав особой роли не играет, однако, думается, что применительно к конкуренции признаний он имеет определяющее значение.

Во-вторых, заметим, что само содержание признаний в контексте их комбинаторики, а также наличия в процессуальной доктрине квалифицированного вида признания также может выглядеть по-разному⁶. Вполне очевидно существование конкуренции простых признаний, однако есть и вероятность возникновения конкуренции между простым признанием и квалифицированным. Более того, не исключена возможность и такого развития событий, когда перед судом будет конкуренция квалифицированных признаний.

Наконец, в-третьих, отметим, что конкуренция признаний как правовое явление актуальна исключительно для распорядительной теории признания. Доказательственная теория, согласно которой судебное признание понимается не иначе как обычное средство доказывания, предполагает сопоставление его судом с другими имеющимися в деле доказательствами. В итоге даже если между признаниями и были какие-то противоречия, они нивелируются посредством исследования, сопоставления с другими доказательствами и оценки. Распорядительная же теория, основанная на том, что признание как волевой акт освобождает от дальнейшего доказывания, напротив, содержит идеальную почву для возможного возникновения конкуренции признаний.

Итак, начнем с конкуренции признаний, которая может возникнуть среди

⁴ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: учебник. М., 1954. С. 115.

⁵ Вербловский Г.Л. Движение русского гражданского процесса, изложенное на одном примере. 3-е изд., пересм. и доп. М.: Типо-лит. И.И. Пашкова, 1905. С. 79.

⁶ Подробнее о квалифицированном признании см., напр.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 199; Гордон А.И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юстиции. 1867. № 1. С. 33–42.

«разноуровневых» субъектов. Здесь, полагаем, все достаточно просто.

В случае если признание третьего лица будет противоречить признанию стороны, на которой то участвует в деле, суд, очевидно, должен учитывать признание самой стороны. Такой вывод мы делаем, в частности, обращаясь к трудам профессоров Т.М. Яблочкова и А.Л. Боровиковского. Ими в свое время была предложена, полагаем, незаслуженно оставленная без внимания идея ввести в отечественный цивилистический процесс специальный механизм оценки судом признания третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Суть ее заключалась в том, что дальнейшая судьба признания, прежде чем оно будет допущено к исследованию судом, должна быть решена той стороной, на которой выступает это третье лицо, и, следовательно, интересам которой это признание будет противоречить⁷. Полагаем, что на сегодняшний день включение такого механизма «фильтрации» стороной признаний, заявляемых третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, в состав современного цивилистического процесса является как никогда актуальным. Отдельно также отметим, что в общем и целом отправной точкой здесь выступает общая идея, изложенная в свое время профессором П.П. Цитовичем, который утверждал, что последствия заявления признания лицом, участвующим в деле, не могут распространяться ни на кого более, кроме него самого, хотя бы там и будет упомянут кто-либо еще из участников спорного правоотношения⁸.

Именно по причине наличия такого рода «фильтра», думается, что конкуренция признания в отношениях между третьими лицами без самостоятельных требований и той стороной, на которой они участвуют в процессе, если и возникнет,

то не более чем на «юридическую секунду»: сторона, которую такое признание не удовлетворяет, просто не пропустит его через свой «фильтр». Соответственно, и суд не будет учитывать заявленное третьим лицом, не заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, признание. Вопрос о конкуренции в рассматриваемом случае должен разрешаться, таким образом, однозначно в пользу стороны.

Немного сложнее выглядит ситуация с конкуренцией признаний доверителя и его представителя. Представим следующую ситуацию, которая, в общем-то, в дальнейшем нами будет использоваться как универсальная: истец обратился в суд с иском о возврате долга; он утверждает, что ответчик должен ему 100 руб.; ответчик говорит, что, действительно, долг имеется, однако в размере 80 руб.; представитель ответчика также подтверждает, что долг имеется, однако не в размере 80, а в сумме 90 руб. Как быть в таком случае?

Самым очевидным решением здесь будет учитывать «нижнюю планку», в отношении которой спора между доверителем и его представителем нет. Ведь фактически они сошлись на том, что доверитель точно должен 80 руб. А что же с разницей, которая возникла вследствие признания представителя? Тут, думается, есть два подхода. Можно поступить радикально и просто утверждать, что во всяком конфликте между доверителем и его представителем последнее слово всегда остается за первым. Либо (второй вариант) не лишать возможности представителя отстаивать свою точку зрения, если они с доверителем так и не придут к какому-то консенсусу, и предоставить ему право подтвердить ту позицию, что его доверитель должен на 10 руб. больше, чем утверждает. Полагаем, что первый из предложенных вариантов выглядит более убедительно: все ж таки общая логика отношений доверителя и его представителя предполагает приоритет волеизъявления первого; заметим также, что ситуация, когда представитель действует во вред прямо выраженной воле доверителя, является аномальной.

⁷ См. подр.: Боровиковский А.Л. Отчет судьи : в 3 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. Т. 1. С. 114; Яблочков Т.М. Субъекты судебного признания // Вестник Гражданского права. 1915. № 2. С. 92.

⁸ Цитович П.П. Гражданский процесс. 4-е изд. Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1894. С. 71–72.

Далее обратимся к вопросам конкуренции признаний среди «одноуровневых» субъектов. Начнем с наиболее простой ситуации — конкуренции признаний среди соучастников. Первым краеугольным камнем здесь выступает тот факт, в каких материальных отношениях они находятся с другим лицом, участвующим в деле (процессуальным оппонентом). Если каждого из соучастников связывают с ним разные материальные правоотношения, то признание одного из соучастников в рамках их личного отношения с другим лицом, участвующим в деле, чье утверждение он подтверждает, естественно, не распространяется на иных соучастников.

Однако как быть в ситуации, когда материальное отношение носит единый (многосубъектный) характер? Полагаем, что вариантов опять же несколько.

Вариант первый предполагает конструирование специального правила, изменяющего общий подход о распределении бремени доказывания. Утверждение процессуального оппонента и последующее конкурирующее признание соучастниками должны приводить к тому, что бремя доказывания в определенной части подлежит возложению и на того соучастника, который хотя и заявил о признании, но тем не менее сделал это к ущербу другого соучастника. Возвращаясь к ранее предложенному примеру о взыскании 100 руб., предположим, что соответчики солидарно отвечают по заемному обязательству. Если один из них признал долг в размере 80 руб., а другой признал в сумме 90 руб., то:

— суд должен исходить из освобождения истца от обязанности доказывания суммы долга в размере 80 руб.;

— разницу в части несопадающих признаний (90 руб. — 80 руб.) доказывает как истец, утверждающий о долге в сумме 100 руб., так и соучастник, признавший долг в сумме 90 руб.;

— разницу в части, непокрытой судебным признанием (100 руб. — 90 руб.), доказывает исключительно истец.

Второй вариант исходит из того, что поскольку субъекты «одноуровневые», то и мнение одного не может превалировать над мнением другого, а потому суд вообще

не должен учитывать такого рода признание. Тем самым это будет именно тот случай, когда в рамках распорядительной теории суд откажет лицу, участвующему в деле, учитывать при вынесении решения ранее заявленное им признание, поскольку оно действует в ущерб оставшимся соучастникам, которые, хотя и находятся в рамках единого правоотношения, однако, не хотят, чтобы негативные последствия от действий одного из них распространились и на других. Возвращаясь к примеру о взыскании 100 руб., следует исходить из того, что:

— истец освобождается от обязанности доказывания суммы долга в размере 80 руб.;

— разница в части, не покрытой совпадающим судебным признанием (100 руб. — 80 руб.), доказывается исключительно истцом.

Выбирая из возможных вариантов, мы бы обратили внимание на следующее. Конструирование специального правила, изменяющего общий подход о распределении бремени доказывания, по сути, противопоставляет одному из соучастников как его процессуального оппонента, так и другого соучастника. Это не совсем обычная ситуация для частноправового спора. Тем не менее в вопросах доказывания вполне допустимы ситуации противоположных позиций каждого из соучастников. И то, что в итоге позиция одного из соучастников по вопросу конкретного факта начинает совпадать с позицией процессуального оппонента, тоже вполне допустимое явление. В итоге в отдельном, частном вопросе об установлении конкретного обстоятельства истинные интересы рассматриваемых субъектов не совпадают с имеющимся процессуальным положением. По этой причине и правила доказывания требуют соответствующей корректировки: формально заявленное признание в несопадающей его части с признанием другого соучастника, по сути, солидаризируется с утверждением процессуального оппонента, а потому и доказывать соответствующее обстоятельство должен в том числе и тот из соучастников, который действует в ущерб другому.

Наиболее сложной нам представляется ситуация с противоречием признаний, заявленных несколькими представителями одного и того же лица, участвующего в деле. Вернемся к примеру о взыскании 100 руб. и предположим, что один из представителей ответчика признал долг в размере 80 руб., а другой — в сумме 90 руб.

Конечно, ситуация резко упростилась бы, если бы доверитель сам высказался в пользу того или иного признания (тогда приоритет имела бы его воля). Однако если суд лишен возможности узнать мнение доверителя либо тот прямо не высказывается в пользу первого или второго

признания, то перед правоприменителем возникает дилемма. Полагаем, здесь необходимо учитывать, что оба представителя представляют одно лицо, участвующее в деле. Ситуация «процессуального когнитивного диссонанса» у доверителя должна исключаться, а потому недопустимо вообще допускать спор между представителями. Считаем, что признание в его несовпадающей части вообще не должно учитываться судом. И потому здесь подход должен основываться на том, что эту несовпадающую часть должен по общим правилам доказывания обосновывать процессуальный оппонент.

Литература

1. Боровиковский А.Л. Отчет судьи. В 3 томах. Т. 1 / А.Л. Боровиковский. Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1891. 355 с.
2. Вербловский Г.Л. Движение русского гражданского процесса, изложенное на одном примере / Г.Л. Вербловский. 3-е изд., пересм. и доп. Москва : Типо-лит. И.И. Пашкова, 1905. 541 с.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольмстен. 5-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1913. 411 с.
4. Гордон А.И. Юридические заметки: признание и удовлетворение / А.И. Гордон // Журнал Министерства юстиции. 1867. № 1. С. 33–42.
5. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс : учебник / А.Ф. Клейнман. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1954. 407 с.
6. Малинин М.И. Судебное признание в гражданских делах / М.И. Малинин. 2-е изд., доп. Одесса : Тип. Л. Нитче, 1878. 135 с.
7. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права М.М. Михайлова. Санкт-Петербург : Тип. II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1856. 204 с.
8. Цитович П.П. Гражданский процесс / П.П. Цитович. 4-е изд. Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1894. 132 с.
9. Шеменева О.Н. Признания и соглашения по обстоятельствам дела в гражданском судопроизводстве : учебное пособие / О.Н. Шеменева. Москва : Infotropic Media, 2013. 184 с.
10. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И.Е. Энгельман. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 632 с.
11. Яблочков Т.М. Субъекты судебного признания / Т.М. Яблочков // Вестник Гражданского права. 1915. № 2. С. 87–118.
12. Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе / Т.М. Яблочков // Юридические записки. 1914. Вып. III (XXI). С. 462–482.
13. Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе / Т.М. Яблочков // Юридические записки. 1914. Вып. IV (XXII). С. 604–633.

Константинов**Андрей Алексеевич,**

аспирант кафедры гражданского права
и процесса и международного частного
права Российского университета
дружбы народов (РУДН)
Ankon23418@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-41-45

Взаимодействие состава арбитража со сторонами при ускоренном порядке разрешения споров в международном коммерческом арбитраже

В статье рассматриваются способы взаимодействия арбитража со сторонами при рассмотрении дел в ускоренном (упрощенном) порядке путем сравнительного анализа различных арбитражных регламентов. Методологическую базу исследования составляют отдельные элементы системного подхода, положения материалистической диалектики, вместе с тем были использованы общенаучные, частнонаучные методы, а также приемы познания, анализ и синтез, обобщение, аналогия, прогнозирование, классификация, экспертные оценки. В работе применялись следующие подходы изучения: сравнительно-правовой и формально-логический. Проанализированы статистические данные, практика арбитражных центров по различным регламентам с применением упрощенной, ускоренной процедуры. Для достижения цели ускорения процесса должно быть активное участие арбитра. В этой связи наделение арбитра правом самому, совместно со сторонами определять срок рассмотрения конкретного дела, не выходя за рамки срока, установленного регламентом, имеет большое практическое значение для третейского разбирательства, поскольку разрешение спора в порядке арбитража нуждается в ускорении. Обусловлено это спецификой дел, рассматриваемых в арбитраже, которые, как правило, связаны с оборотом и вложением средств в предпринимательскую деятельность. Сокращение продолжительности рассмотрения дела — основная цель введения ускоренного (упрощенного) производства в арбитраже. Одним из способов такого сокращения является введение механизма взаимодействия сторон и арбитража, направленного на стимулирование использования такого порядка.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, третейское разбирательство, ускоренный арбитраж, упрощенное производство, состав арбитража, стороны.

Арбитраж (третейское разбирательство), рассматривавшийся долгое время как альтернатива разрешать коммерческие споры в более понятном и быстром порядке по сравнению с государственным судопроизводством, с течением времени, с усложнением самих материально правовых отношений, из которых возникает спор, приобретает прямо противоположные черты. Арбитраж стал востребован сторонами в наиболее сложных спорах, что закономерно приводило к изучению сложных правовых позиций, увеличению сроков рассмотрения дела по разным причинам (исследование большого объема доказательств, привлечение специалистов, имеющих ограниченные временные возможности для участия в разрешении спора, и др.). Все это объективно приводило к увеличению затрат сторон на участие в арбитраже.

В настоящее время арбитражные институты в целях привлечения интереса со стороны бизнес-сообщества в том числе и в случаях, не отягощенных указанными выше обстоятельствами, предлагают сторонам гибкие процедуры, дающие возможность снизить сроки и расходы на разрешение спора. Именно это направление можно выделить в качестве одной из современных тенденций развития арбитража, которую отмечают в своих исследованиях юристы¹.

¹ Артемьева Ю.А., Ермакова Е.П., Ковыршина Н.А., Русакова Е.П. Способы разрешения споров в разносистемных правопорядках. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 424 с. ; Ермакова Е.П., Ситкарева Е.В. Право Европейского союза: порядок разрешения частноправовых споров : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 199 ; Ситкарева Е.В. Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) // Законы

Для упрощенного (ускоренного) порядка разрешения споров в международном коммерческом арбитраже характерно рассмотрение дел без проведения устных слушаний, принятие решения, как правило, на основе письменных документов, представленных сторонами. Это может быть достигнуто только при четком взаимодействии состава арбитража со сторонами.

Интерес представляет порядок такого взаимодействия, учитывая, что процедура ведения дела по упрощенному (ускоренному) порядку регламентами не детализирована. А арбитры, руководствуясь, в частности, ч. 2 ст. 19 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», при отсутствии соответствующего соглашения сторон третейский суд может осуществлять арбитраж таким образом, какой он считает надлежащим, в том числе в отношении определения допустимости, относимости и значимости любого доказательства.

Представляется, что обеспечение такой процедуры полностью зависит от арбитра, который после назначения знакомится с материалами дела, проверяет состояние его подготовки. При этом он должен решить целый ряд вопросов:

1) проверить, имеется ли соглашение сторон на рассмотрение дела по упрощенной процедуре;

2) при отсутствии соглашения проверить, подпадают ли заявленные требования под установленный регламентом порог цены и иные требования, позволяющие применить такой порядок как общее правило;

3) проверить наличие представленных стороной в обоснование своих требований письменных доказательств.

Регламентами ряда арбитражных учреждений предусматриваются требования, которым должны отвечать представленные документы.

Так, по Правилам SIAC² исковое заявление должно содержать подробное

описание фактических обстоятельств, на которых основывается иск, а также применимое право. Правила содержат разъяснения о характере и содержании письменных заявлений, которые стороны предоставляют в суд. Схожие положения содержатся и в других регламентах³. Однако ни один из них не содержит перечня средств доказывания.

Поскольку бремя доказывания лежит на сторонах, они должны доказать те обстоятельства, на которые ссылаются. Для этого стороны представляют любые доказательства.

Обязанность третейского суда — проверить, чтобы они были приложены к исковому заявлению и отзыву на иск или направлены в дальнейшем в установленные сроки с тем, чтобы при рассмотрении дела оценить их достаточность и достоверность.

Несмотря на то что до назначения арбитра эти вопросы решают штатные сотрудники арбитража (ответственный секретарь в Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее — МКАС при ТПП РФ), Секретариат в Китае, Арбитражный центр по Правилам ВОИС и т.д.), это не освобождает арбитра от решения вопроса о компетенции, возможности рассмотрения дела в упрощенном порядке, соблюдении сторонами объективных обстоятельств, позволяющих разрешить спор по ускоренной процедуре. По Правилам МКАС при ТПП РФ⁴ при рассмотрении таких вопросов до назначения арбитра ответственным секретарем МКАС не предпринимает их рассмотрение третейским судом. С состава арбитража, назначенного для рассмотрения дела, не снимается обязанность проверить соблюдение ответственными лицами арбитража направления ответчику искового заявления и всех документов, приложенных к нему, подтверждающих иски требования, а также предоставления в назначенный ответчику срок возражения на иск, разъяснение ему прав на

России: опыт, анализ практика. 2017. № 4. С. 49–52; Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония): монография / под ред. Е.Е. Фроловой, Е.П. Ермаковой. М.: Инфотропик Медиа, 2019.

² Правила международного арбитражного центра Сингапура (с изм. и доп., вступ. в силу

01.08.2016). URL: <https://nplaw.ru/upload/iblock/46b/46b50f86bc1c14d0ea4b08a2c6fafbab.pdf>

³ Правила арбитража международных коммерческих споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (вступ. в силу с 27.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Там же. § 25.

подачу встречного иска в установленный срок.

Нарушение этого правила, если обстоятельства будут установлены после рассмотрения дела по существу, может явиться основанием для отказа в приведении в исполнение решения суда по Конвенции ООН 1958 г.

После изучения материалов дела состав арбитража может посчитать целесообразным дать сторонам возможность представить дополнительные документы либо провести одно или два устных слушания. Регламентами различных арбитражных учреждений эти вопросы решаются по-разному. Общее, что их объединяет, — это предусмотренный правилами механизм, с помощью которого состав арбитража в состоянии реализовать свои возможности по взаимодействию со сторонами.

По Регламенту SIAC, с целью обеспечения справедливого, быстрого, экономного и окончательного решения, состав арбитража осуществляет ведение арбитражного разбирательства, таким образом, какой сочтет надлежащим, но только после консультации со сторонами. Состав арбитража может проводить личную встречу со сторонами либо предварительное совещание для обсуждения более эффективного порядка рассмотрения дела.

По Регламенту ICC⁵ после избрания или назначения состава арбитража проводится организационное совещание не позднее 15 дней с момента передачи ему дела. ICC может продлить указанный срок самостоятельно, если посчитает это целесообразным или в соответствии с мотивированной просьбой арбитров. Состав арбитража может принять любые процессуальные меры, которые посчитает подходящими для быстрого рассмотрения спора. Например, после консультации со сторонами состав арбитража может ограничить по своему усмотрению количество письменных заявлений, может разрешить спор без проведения слушаний, а только на основании документов, которые были поданы сторонами. Если все-таки проведение слушания посчитает целе-

сообразным, Регламент разрешает провести их по телефону, путем применения видеоконференции, а также с помощью любых других средств связи. Если состав арбитража сформирован, стороны не могут предъявлять новые требования, если только сторона не получила такое разрешение от арбитража.

По Регламенту SIETAC⁶ состав арбитража может провести совещание со сторонами в месте и по форме, подходящим по его усмотрению. Когда состав арбитража сочтет необходимым, он может принять процессуальный приказ, направить сторонам список вопросов, составить повестку вопросов, провести организационное совещание до разрешения дела по существу.

Изложенное позволяет сделать вывод, что состав арбитража перед вынесением решения, с целью выяснения всех обстоятельств по делу и тех вопросов, которые у него возникнут при ознакомлении с материалами дела, может проводить личную встречу со сторонами. Встреча может проходить в виде устного совещания, а также может быть оформлена письменно в виде составления графика.

Регламенты при рассмотрении дел в упрощенном порядке императивно не обязывают состав арбитража составлять процессуальный график. Составление процессуального графика является обязательным при разрешении больших и сложных дел, поскольку в период разбирательства по сложным делам возникает множество вопросов, которых могло и не быть, если состав арбитража согласует со сторонами порядок представления дополнительных доказательств, вызов и допрос свидетелей, уточнит правовую позицию и так далее.

Однако представляется, что при рассмотрении дел по упрощенной процедуре общение состава арбитража со сторонами является обязательным. Это общение должно быть оформлено документально. Для чего это необходимо?

Исходя из содержания регламентов, ускоренное арбитражное разбирательство не запрещает сторонам представлять, кроме всего прочего, дополнительные письменные заявления. Стороны могут попро-

⁵ Арбитражный регламент ICC (с изм. и доп. от 01.03.2017). URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/2017-icc-arbitration-rules/>

⁶ Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (с изм. и доп., вступ. в силу 01.05.2012). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900502>

ситель состав арбитража провести устные слушания. Третейский суд сам может посчитать целесообразным его проведение.

Например, по Регламенту SCC⁷ состав арбитража, ознакомившись с материалами дела, может обязать стороны указать в письменных доказательствах, в подтверждение каких обстоятельств представляются такие доказательства. Состав арбитража может обязать стороны представить любые документы и доказательства, которые имеют отношение к делу и могут повлиять на его исход.

Таким образом, регламенты предусматривают фиксацию факта общения состава арбитража со сторонами. Это может быть оформлено в виде процессуального приказа⁸, процессуального графика⁹ и т.д.

В процессуальном документе должно быть отражено ходатайство сторон, если оно заявлялось, о предоставлении дополнительных доказательств, проведении устного слушания. Если эти ходатайства удовлетворяются, сторонам предоставляется срок для представления письменных документов. До сведения сторон доводятся, а по согласованию с ними определяется срок проведения устного слушания, поскольку не всеми регламентами определен такой срок.

Как видим, упрощенный порядок в международном коммерческом арбитраже предполагает упрощение процедуры разрешения спора. Однако упрощение процедуры не исключает соблюдение основного принципа процесса — принципа состязательности. Это проявляется в том, что при разрешении спора при упрощенной процедуре стороны принимают участие в форме собирания, представления и раскрытия доказательств, а состав арбитража, в свою очередь, их рассматривает и оценивает, определяя весомость доказательств, используя при этом принцип беспристрастности и нейтралитета.

Составление процессуального документа при общении состава арбитража со

сторонами будет показывать, как арбитраж будет действовать и когда стороны могут рассчитывать на получение решения. Кроме всего прочего, это будет способствовать прозрачности действий арбитра, исключению у сторон всякого сомнения относительно беспристрастности или независимости арбитра¹⁰.

Упрощенная процедура требует четкой организации рассмотрения дела.

Арбитр должен сам решить, в какой форме должно быть произведено общение со сторонами и по каким вопросам. Это зависит от характера спора и представленных сторонами доказательств с точки зрения их убедительности и достаточности для рассмотрения дела.

Если доказательств недостаточно, арбитраж может затребовать у сторон их представить, установив срок представления документов. Возможно, что требуется личное общение, пояснения тех или иных обстоятельств. Конечно, одно дело, когда пороговая сумма спора составляет 50 тыс. долл. США и заявленные требования вытекают из договора купли-продажи или поставки, когда предмет доказывания по такого рода искам не представляет большой сложности. Другое дело, когда требования заявлены на несколько миллионов долларов США, а стороны просят рассмотреть дело по ускоренной процедуре и основания и возможности для этого имеются. В этой ситуации от арбитра требуется четкая высокопрофессиональная организация подготовки дела с тем, чтобы разрешить спор в установленный регламентами срок.

Несомненно, арбитраж может принять решение исходя из обстоятельств дела, рассмотреть спор по обычной процедуре либо ходатайствовать о продлении срока, предусмотренного при ускоренном порядке. При введении в регламенты ускоренной процедуры разрешения споров это учитывалось.

Приведенные автором регламенты это допускают. Однако представляется, что продление срока разрешения спора

⁷ Статья 31 Арбитражного регламента ТПС (вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <https://arbitration.ru/en/press-centr/news/arbitrazhnyy-reglament-tps/>

⁸ Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии.

⁹ Правила арбитража международных коммерческих споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

¹⁰ International Arbitration Practice Guideline “Interviews for Prospective Arbitrators” / A. Burr, B. Balkaya, C. Fahy [et al.]; Chair Drafting Committee T. Hardy. London: Chartered Institute of Arbitrators, 2016; Правила о беспристрастности и независимости третейских судей (утв. Приказом ТПП РФ от 27.08.2010 № 39) // СПС «КонсультантПлюс».

по ускоренной процедуре при упрощении процесса должно быть не как правило, а как исключение. Некоторые регламенты продление срока связывают с наличием исключительных обстоятельств¹¹, в случае необходимости¹², а также по уважительной причине¹³.

Арбитр должен аргументировать, что эти обстоятельства имеют место. Как? На наш взгляд, это можно сделать, только предоставив ответственному лицу, которое принимает решение о продлении срока, все данные, связанные с подготовкой по делу.

По регламентам представление доказательств лежит на сторонах. Однако по просьбе стороны арбитр обязан оказать им содействие, например, в истребовании документов, если она его об этом попросит. Это прямо следует из содержания регламентов. Например, Регламентом МКАС при ТПП РФ¹⁴ предусмотрена сторонам возможность представить до-

полнительные письменные заявления, проведение по ходатайству стороны устного слушания.

По Регламенту НКІАС с изменениями и дополнениями от 1 ноября 2018 г. расширены рамки взаимодействия сторон и арбитра¹⁵. Для достижения цели ускорения процесса должно быть активное участие арбитра. В этой связи наделение арбитра правом самому, совместно со сторонами определять срок рассмотрения конкретного дела, не выходя за рамки срока, установленного регламентом, имеет большое практическое значение для третейского разбирательства, поскольку разрешение спора в порядке арбитража нуждается в ускорении. Обусловлено это спецификой дел, рассматриваемых в арбитраже, которые, как правило, связаны с оборотом и вложением средств в предпринимательскую деятельность.

Сокращение продолжительности рассмотрения дела — основная цель введения ускоренного (упрощенного) производства в арбитраже. Одним из способов такого сокращения является введение механизма взаимодействия сторон и арбитража, направленного на стимулирование использования такого порядка.

¹¹ Арбитражный регламент ICC (с изм. и доп. от 01.03.2017).

¹² Правила арбитража международных коммерческих споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

¹³ Регламент Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии.

¹⁴ Правила арбитража международных коммерческих споров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

¹⁵ Правила Гонконгского международного арбитражного центра (с изм. и доп., вступ. в силу 01.11.2018). URL: <https://www.hkiac.org/arbitration>

Литература

1. Артемьева Ю.А. Способы разрешения споров в разнесистемных правопорядках : учебное пособие / Ю.А. Артемьева, Е.П. Ермакова, Н.А. Ковыршина, Е.П. Русакова. Москва : Инфотропик Медиа, 2017. 424 с.
2. Ермакова Е.П. Право Европейского союза: порядок разрешения частнопроводимых споров : учебное пособие / Е.П. Ермакова, Е.В. Ситкарева. Москва : Юрлитинформ, 2016. 219 с.
3. Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония) : монография / Ю.А. Артемьева [и др.] ; под редакцией Е.Е. Фроловой, Е.П. Ермаковой. Москва : Инфотропик Медиа, 2019. 407 с.
4. Ситкарева Е.В. Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) / Е.В. Ситкарева // Законы России: опыт, анализ практика. 2017. № 4 С. 49–52.

References

1. International Arbitration Practice Guideline “Interviews for Prospective Arbitrators” / A. Burr, B. Balkaya, C. Fahy [et al.] ; Chair Drafting Committee T. Hardy. London : Chartered Institute of Arbitrators, 2016. 23 p.

**Констандина
Елена Игоревна,**
аспирант кафедры судебной власти
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ)
konstandina.elena@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-46-49

Протокол допроса свидетеля: доказательственное значение в налоговых спорах

В статье рассматривается значение протокола допроса свидетеля, составленного налоговым органом, как доказательства по налоговым спорам о необоснованной налоговой выгоде. Описывается в том числе применение данного доказательства на конкретных примерах из судебной практики. Кроме того, статья раскрывает текущие тенденции относительно круга свидетелей, которые в настоящее время привлекаются для налоговых органов, приводится оценка перспективности дальнейшей практики применения протокола допроса свидетеля, составленного налоговым органом, как доказательства по налоговым спорам.

Ключевые слова: налоговая выгода, доказательства, протокол допроса, ст. 54.1 НК РФ, налоговый спор.

На протяжении последних полутора десятилетий споры о необоснованной налоговой выгоде строятся вокруг доказывания трех главных элементов совершенных налогоплательщиками хозяйственных операций: реальности, деловой цели, которая должна быть отличной от налоговой экономии, и должной осмотрительности.

В случае если налоговый орган доказывает, что хозяйственной операции в действительности не было, налогоплательщик лишь оформил бумаги (договоры, счета-фактуры, акты, товарные накладные) в целях налоговой экономии, налоговый орган отказывает в учете затрат по оформленным операциям в составе расходов по налогу на прибыль организаций и в вычетах по НДС в полном объеме. Исследование дальнейших вопросов, имеющих значение для разрешения такого спора, не проводится.

Таким образом, первостепенное значение при разрешении налоговых споров о необоснованной налоговой выгоде отводится доказыванию реальности совершенных хозяйственных операций.

Очевидно, доказать, что услуга в действительности была оказана, товар был поставлен и работа выполнена, невозможно исключительно посредством одних лишь первичных документов. Поэтому сегодня документальное подтверждение является только одной из составляющих при доказывании по налоговым спорам и на практике, как налоговые органы, так и налогоплательщики применяют широкий спектр средств доказывания.

Особой популярностью у налоговых органов при доказывании нереальности операций, а также вовлеченности «технических

компаний» в цепочку поставок (услуг, работ) пользуются именно свидетельские показания. Данная тенденция была актуальной еще десятилетие назад¹ и продолжает сохранять позиции по сей день. В случае доведения спора до суда такие показания предъявляются суду в виде оформленных протоколов допроса.

Необходимо отметить, что возможность получения свидетельских показаний налоговым органом прямо предусмотрена положениями подп. 12 п. 1 ст. 31, ст. 90 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ). Однако существенных изменений в ст. 90 НК РФ, за исключением введенного в 2018 г. п. 6 о вручении копии протокола свидетелю, не вносилось уже больше 20 лет. С учетом того что положения статьи подробно не регламентируют процедуру получения свидетельских показаний, в процессе применения положений статьи и в дальнейшем при доведении спора до суда возникает большое количество вопросов, в том числе связанных с допустимостью протоколов допроса в качестве доказательства².

Особенно ценными для налоговых органов являются показания бывших сотрудников в силу того, что такие сотрудники могут не помнить детали трехгодичной (и более) давности и не дать ответа на поставленные инспекторами вопросы. Кроме того, такие

¹ Кузовков В.В. Протокол допроса свидетелей как доказательство в налоговых спорах: отвечает ли статья 90 НК РФ современным реалиям? // Налоговед. 2010. № 1. С. 28–39.

² Так, на практике нередко возникают вопросы о допустимости тех или иных протоколов допроса в связи с нарушением порядка получения свидетельских показаний.

сотрудники могли затаять обиду на прежнего работодателя. Как правило, показания бывших сотрудников, не содержащие конкретных ответов на вопросы проверяющих, трактуются налоговыми органами как «отказные». Иными словами, налоговые органы с помощью данных показаний доказывают непричастность (номинальность) руководителей к деятельности спорного поставщика (исполнителя) проверяемого налогоплательщика. И, как следствие, делается вывод о нереальности как спорного контрагента, так и самой хозяйственной операции.

Практика получения свидетельских показаний бывших сотрудников и предъявления таких показаний в суд в виде оформленных протоколов допроса имела место и больше десятилетия назад. Вместе с тем суды нередко отмечали, что такие показания носят предвзятый характер и не могут служить основанием для доначисления налогов организациям³.

Более того, суды указывали на то, что полученные налоговым органом свидетельские показания не подтверждены другими доказательствами, а основываясь на одних только показаниях свидетелей — бывших работников, нельзя прийти к однозначному выводу⁴. Иными словами, показаний свидетелей, зафиксированных налоговыми органами в протоколах допроса, было недостаточно для подтверждения позиции по делу.

В доктрине также отмечалось, что утверждения сторон для превращения в достаточные доказательства могут быть подтверждены доказательствами, полученными из других источников. В частности, профессор С.В. Курьлев упоминал: обращаясь к судебной практике, можно увидеть, что утверждение стороны чаще всего подтверждается в том числе при помощи показаний или иных действий, при помощи свидетельских показаний, вещественных и письменных доказательств, при помощи заключений экспертов и других смешанных доказательств⁵.

С.В. Курьлев также указывал на то, что доказательств в процессе может оказаться и больше необходимого минимума, однако это

не означает, что излишние доказательства не имеют доказательственного значения⁶. Безусловно, отсюда вытекает и важность выстраивания позиции на основании совокупности доказательств.

Стоит отметить, что о доказывании фактов при помощи различных средств доказывания, предусмотренных ч. 2 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (в том числе письменные и вещественные доказательства, показания свидетелей, иные документы и материалы)⁷, регулярно упоминается в доктрине. Такая тенденция сохранилась и по сей день. Как правило, сегодня позиция налогового органа как в суде, так и на досудебной стадии строится на комплексе доказательств, включающих протоколы допроса свидетелей.

Надо отметить, что привлекательными сегодня считаются также показания рядовых сотрудников компании, участвующих, по мнению налоговых органов, в осуществлении хозяйственных операций. Наиболее часто, например, допрашивают сотрудников склада, водителей, строителей, которые могут подтвердить, на какой конкретно склад поставлялся тот или иной товар, какие именно выполнялись работы, чьими силами и на каком объекте.

Вместе с тем, если обратиться к судебной практике, имевшей место порядка 10–12 лет назад, то в большинстве споров можно увидеть преимущественно протоколы допроса руководящего состава⁸ или бывших сотрудников. Таким образом, получение свидетельских показаний у рядовых работников (производственников) сегодня приобретает большую распространенность относительно ранее сформировавшейся практики.

Стоит отметить, что свидетельские показания для налоговых органов являются одним из наиболее ценных и востребованных видов доказательств по налоговым спорам в связи с относительной простотой их получения, а также с тем, что в последующем их достаточно сложно опровергнуть.

В настоящее время в налоговых спорах налоговые органы, как правило, получают показания на стадии проверочных мероприятий и приобщают такие показания, оформленные протоколами допроса, в качестве

³ Путрова О.В., Ярославцева С.В. Доказательственная сила свидетельских показаний в налоговых спорах // *Налоговед.* 2010. № 11. С. 20–29.

⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 июня 2009 г. по делу № А45-12799/2008. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/234f695a-ed48-496b-b967-86ea148483e7>

⁵ Курьлев С.В. Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 126.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Щербакова И.В. Предмет доказывания в российском арбитражном процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 8. С. 42–48.

⁸ Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 6 марта 2009 г. № Ф10-24/2009. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f2406265-a29c-4885-9964-8a994ee26edd>

доказательств к материалам дела в случае доведения спора до суда.

Рассмотрим некоторые примеры из актуальной судебной практики, анализ которых свидетельствует о доказывании налоговыми органами, в том числе посредством свидетельских показаний, нереальности заявленных налогоплательщиками хозяйственных операций и установлении в деле действительных налоговых обстоятельств налогоплательщика.

Так, при доказывании необоснованной налоговой выгоды по поставке товара основные претензии налоговых органов, как правило, сводятся к формальному включению компаниями в цепочку поставки «дополнительных звеньев» («технических компаний») с целью искусственного наращивания стоимости товара для увеличения налога на прибыль организаций и завышения суммы вычетов по НДС. Иными словами, налоговые органы доказывают нереальность операций по поставке налогоплательщика заявленным контрагентом.

Для доказывания данного обстоятельства, как отмечалось ранее, налоговые органы активно проводят многочисленные допросы как сотрудников проверяемого налогоплательщика, так и сотрудников спорного поставщика.

Так, например, по делу № А27-25588/2019 компания ОАО «Кемеровская фармацевтическая фабрика»⁹, являясь производителем фармацевтической продукции, для размещения выпускаемой ею продукции заключила договоры на приобретение пластмассовых канистр и стеклянных флаконов. НДС с указанных операций был заявлен к вычету, а затраты на приобретение товара учтены в составе расходов по налогу на прибыль организаций.

По мнению налогового органа, приобретение товаров фактически производилось не у заявленных компанией поставщиков, а напрямую, у заводов-изготовителей, спорные поставщики были включены в цепочку поставок с целью искусственного наращивания стоимости товара.

Данный вывод был поддержан судом, налог на прибыль и НДС был исчислен исходя из действительных налоговых обязательств таким образом, как если бы компания закупала товар напрямую у заводов-изготовителей.

При этом налоговый орган при доказывании своей позиции получил свидетельские

показания следующих работников налогоплательщика:

— менеджерского звена налогоплательщика о том, что заявки на поставку канистр направлялись напрямую в адрес заводов-изготовителей;

— водителя по доверенности от налогоплательщика, который подтвердил, что со склада завода самостоятельно на личном грузовом автомобиле осуществлял перевозку медицинской тары, в том числе канистр, до склада налогоплательщика;

— кладовщиков, которые свидетельствовали о том, что действительными поставщиками тары являлись заводы-изготовители, спорные поставщики им не известны, доставку до склада налогоплательщика осуществлял преимущественно допрошенный водитель.

Совокупность полученных свидетельских показаний во взаимосвязи с другими полученными налоговым органом доказательствами позволила установить реальных поставщиков, доказать непричастность заявленного налогоплательщиком контрагентов и произвести в спорном деле расчет действительных налоговых обязательств.

Данный спор наглядно иллюстрирует последний тренд при проведении налоговых проверок, а именно получение свидетельских показаний не только и даже не столько руководящего состава, как рядовых работников, которые, по мнению налогового органа, причастны к осуществлению тех или иных спорных операций¹⁰.

Аналогичная тактика была проявлена налоговыми органами и в ряде других недавно разрешенных налоговых споров. Например, в общеизвестном деле по компании ООО «Кузбассконсервомолоко»¹¹, которая в производственных целях закупала на рынке сырое молоко. Фабула дела и претензии налоговых органов схожи с фактическими обстоятельствами предыдущего рассмотренного спора. При доказывании нереальности спорного поставщика и хозяйственной операции налоговый орган в данном деле также получил свидетельские показания ряда сотрудников. Причем проверяющие в данном случае допросили не только сотрудников проверяемого налогоплательщика, но и сотрудников заводов,

⁹ Решение Кемеровского арбитражного суда Кемеровской области от 18 августа 2020 г. по делу № А27-25588/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VEe2FY11LCQP/>

¹⁰ См. также: Констандина Е.И. Применение правил налоговой реконструкции при доказывании по налоговым спорам в рамках ст. 54.1 НК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 37.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 июля 2020 г. по делу № А27-17275/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VrFq0dlcrtbC/>

которые, по их мнению, являлись прямыми поставщиками налогоплательщика.

Так, анализ показаний руководителя одного из заводов свидетельствовал о прямом взаимодействии с представителями ООО «Кузбассконсервмолоко», которые согласовывали непосредственно график поставки молока, а также осуществляли контроль за поставкой и качеством молока. Аналогичные показания предоставил также и руководитель второго завода.

Налоговый орган также получил показания рядовых сотрудников как со стороны налогоплательщика, так и со стороны заводов, в частности: аппаратчика охлаждения и пастеризации, инженера-технолога по сырью, начальника производственной лаборатории, лаборанта-анализатора, рабочей пастеризатора, заместителя директора по животноводству подразделения, заведующей цеха приемки молока, водителей. Все допрошенные лица указали, что документооборот осуществлялся напрямую между заводами и налогоплательщиками.

Данные доказательства, безусловно, легли в основу доказательственной базы по рассмотренному делу, были восприняты судом и позволили сделать вывод о действительных обстоятельствах дела и налоговых последствиях налогоплательщика.

Выстраивание доказательственной базы, в том числе на основе свидетельских показаний, производилось также и в ряде других недавно рассмотренных дел о необоснованной налоговой выгоде, в частности, например, в деле ООО «Сива Лес»¹².

Перечислять все дела, безусловно, не имеет никакого смысла. Единственное, что действительно необходимо отметить, — это то, что практика получения налоговыми органами свидетельских показаний, оформления их в виде протоколов допроса и последующее представление таких протоколов

в суд уже давно используется и ложится в основу доказательственной базы, если не каждого налогового спора о необоснованной налоговой выгоде, то большинства налоговых споров.

Вышеуказанное, очевидно, свидетельствует о высокой роли свидетельских показаний в спорах о необоснованной налоговой выгоде, а также о развитии данного вида доказательств в правоприменительной практике. Так, если ранее налоговые органы преимущественно получали показания только руководящего звена и бывших сотрудников, то сегодня наиболее ценными являются показания рядовых работников, как это следует из вышеприведенных примеров.

При этом, как видно из анализа картотеки судебных дел, а также вышеприведенных примеров, суды сегодня склонны доверять свидетельским показаниям, зафиксированным в протоколах допроса, даже больше, чем первичным документам. Представляется, что широта круга лиц, который потенциально может быть вызван для дачи показаний в налоговый орган, должна положительно отразиться на качестве разрешаемых споров. В частности, можно предположить, что благодаря более комплексному подходу в получении налоговыми органами свидетельских показаний выводы, положенные в основу актов налоговых проверок и впоследствии судебных решений, станут более обоснованными, полными, всесторонними и объективными.

При этом анализ последних налоговых споров о необоснованной налоговой выгоде также позволяет допустить, что выстроить позицию по налоговому спору на одних лишь протоколах допроса по-прежнему будет невозможно; доказательственное значение протоколы допроса будут иметь только в совокупности с другими письменными доказательствами.

Вместе с тем с учетом крайне скудной регламентации в налоговом законодательстве самой процедуры получения свидетельских показаний с большой степенью вероятности споры о допустимости тех или иных протоколов допроса сохранятся.

¹² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А50-17644/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Констандина Е.И. Применение правил налоговой реконструкции при доказывании по налоговым спорам в рамках ст. 54.1 НК РФ / Е.И. Констандина // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 33–37.
2. Кузовков В.В. Протокол допроса свидетелей как доказательство в налоговых спорах: отвечает ли статья 90 НК РФ современным реалиям? / В.В. Кузовков // Налоговед. 2010. № 1. С. 28–39.
3. Курылев С.В. Избранные труды / С.В. Курылев. Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. 606 с.
4. Путрова О.В. Доказательственная сила свидетельских показаний в налоговых спорах / О.В. Путрова, С.В. Ярославцева // Налоговед. 2010. № 11. С. 20–29.
5. Щербакова И.В. Предмет доказывания в российском арбитражном процессе / И.В. Щербакова // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 42–48.

Папулова**Зоя Александровна,**доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
zoya.papulova@gmail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-50-52

Кассационный пересмотр судебных актов, выносимых мировыми судьями

В статье анализируются статистические отчеты о работе кассационных судов общей юрисдикции за 2020 г., предлагается мнение автора об избыточности кассационного пересмотра судебных актов, выносимых мировыми судьями, как влияющих на доступность правосудия для населения.

Ключевые слова: кассационные суды общей юрисдикции, мировые судьи, судебный приказ, приказное производство, доступность правосудия.

13 апреля 2021 г. был подписан отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел, административных дел в кассационном порядке в 2020 г.¹ Сложный 2020 г. стал, по сути, первым полным календарным годом для созданных кассационных судов общей юрисдикции, и впервые с опорой на статистические данные появилась возможность составить первые впечатления о практике работы данных судебных учреждений, на которые возлагались такие большие надежды.

Первое, что можно заметить, — это впечатляющие цифры обработанных обращений. Всего в течение 2020 г. кассационные СОЮ рассмотрели 170 тыс. жалоб по гражданским делам, 18 тыс. по административным и 67 тыс. по уголовным делам. По всем видам судопроизводства теперь удовлетворяется 12–16% жалоб, тогда как ранее наблюдались цифры в 3–8%.²

Анализируя каждый отдельный кассационный суд, можно заметить небольшие расхождения в показателях, но они не носят существенного характера: так, статистика за первые 9 месяцев 2020 г., подведенная в рамках Седьмого кассационного суда общей юрисдикции (г. Челябинск), показала 9,96% гражданских дел, которые были отменены либо изменены в результате кассационного пересмотра³. 9,2% от тех же гражданских дел показывает и годовой отчет Восьмого кассационного суда общей юрисдикции (г. Кемерово)⁴, то есть практически каждое десятое гражданское дело изменяется или отменяется в результате его рассмотрения кассационным судом.

Процент пересмотра в Восьмом кассационном суде и в целом по России по уголовным и административным делам еще выше: 34,1% (!) по уголовным делам и 19,3% по административным делам (КАС РФ).

При этом мы понимаем, что на этапе кассации речь идет о вступивших в законную силу судебных актах, часть из которых уже может быть исполнена на момент вынесения судебного акта суда кассационной инстанции.

Кассационный суд является вышестоящей судебной инстанцией по отношению к действующим на территории соответствующего судебного кассационного округа федеральным судам общей юрисдикции и мировым судьям, если иное не установлено федеральным конституционным законом⁵.

В процессе обсуждения законопроекта высказывались самые разнообразные суждения, но даже самые позитивные из них не предрекали таких масштабов. Насколько хороши такие цифры, насколько оправданы? Высокие проценты отмен не свидетельствуют о качестве и стабильности решений, выносимых по первой инстанции, прошедших, помимо кассации, еще и апелляционный порядок (так, к примеру, в Свердловской области, показатель отмены/изменения судебных актов в апелляционном порядке составляет 14,7%). По сути, кассация, оставаясь в той же парадигме, в массовом порядке отменяет решения нижестоящих инстанций, от этого предсказуемость судебных актов значительно снижается, поэтому представляется, что квалифицировать такую статистику как однозначно позитивную немного рано. Вместе с тем данная статья посвящена не в целом анализу работы кассационных судов, а главным образом вопросу, касающемуся пересмотра судебных актов, вынесенных мировыми судьями.

Думается, что использовать универсальную схему обжалования для всех судебных актов,

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: cdep.ru/index.php?id=79&item=5671

² Справка пресс-службы Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/29561/

³ URL: <http://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=28>

⁴ URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=134

⁵ Борисова Е.А. Кассация по гражданским делам: монография. М.: Городец, 2020. С. 128.

включая судебные приказы, в том виде, в каком это существует сейчас, все же излишне. Так, за прошедший 2020 г. на территории Свердловской области мировыми судьями было вынесено 807 253 судебных приказа⁶, это самый распространенный судебный акт по гражданским делам, выносимый мировыми судьями. Не углубляясь в доктрину процесса, приведем схему обжалования судебных актов, вынесенных по первой инстанции мировыми судьями: мировой судья — районный суд — кассационный суд общей юрисдикции. Следовательно, первичное и самое доступное в своем идеале воплощение судебной власти для населения уводит кассационный пересмотр за пределы субъекта Федерации, в котором гражданин постоянно проживает, это вызывает большие сложности от вопросов транспорта до отслеживания движения дела. В своем субъекте даже тарифы на междугороднюю связь значительно ниже, чем за звонки в другой регион.

В рамках научных дискуссий исследователи многократно сходились во мнениях, что решающим фактором при выборе для нашей страны того или иного вида пересмотра судебных актов должны являться территориальные, транспортные и экономические условия России⁷. Не менее актуальными темами в данном свете являются: количество кассационных судов, выбор места их пребывания и формирование судебных составов⁸. Поэтому в этом стремлении максимального разрыва внепроцессуальных связей между различными ветвями власти в рамках одного субъекта не смещается ли баланс между доступностью правосудия и его физическим отрывом от конкретной территории в сторону нарушения прав граждан?⁹

Надо признать, что данный вопрос не раз был предметом обсуждения. Так, представляется, что очень верно в своей работе подметила профессор Е.А. Борисова: если возможность личного участия в судебном заседании кассационного суда общей юрисдикции предоставлена законом, то такое участие должно быть гарантировано государством¹⁰. Невзирая на дороговизну, удаленность территории и временные затраты. Однако все эти опасения так и не нашли своего отражения при принятии законопроекта в окончательной редакции.

Большинство субъектов Российской Федерации внушительно по своей территории, иногда весьма проблематично бывает добраться до

столицы региона, которая чаще всего не совпадает с местом нахождения кассационного суда. Представим, например, путь из северных городов Свердловской области до Челябинска, в котором предстоит пересмотреть в кассационном порядке дело, рассмотренное по первой инстанции мировым судьей. Чтобы добраться до суда, понадобится сначала доехать до Екатеринбурга, пересечь, скажем, на другой автобус и ехать дальше. Из Ивделя до Екатеринбурга можно добраться примерно за 11 час. при стоимости билета на автобус 2 000 руб., из Североуральска — за 9 час. за 1 500 руб., из Краснотурьинска — за 7 час. за 1 200 руб. Рейс Екатеринбург — Челябинск займет еще примерно 4 час. и будет стоить 500 руб. Таким образом, получается, что по времени дорога самым быстрым автомобильным транспортом (авиасообщение недоступно) в один путь займет примерно от 16 до 13 час. и будет стоить от 2 500 до 1 700 руб. Чтобы добраться из суда до дома, растраты по времени и деньгам стоит дважды сложить. Думаю, что после подобных расчетов у гражданина пропадет желание поучаствовать в судебном заседании, не говоря о том, что для такого путешествия понадобится неслабое здоровье и пара свободных дней, чтобы потом прийти в себя.

Аргументы в защиту позиции об ограничении права на доступ к правосудию содержатся также в положениях Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Согласно ч. 3 ст. 23.1, ч. 2.3 ст. 42 Закона в целях приближения правосудия к месту жительства лиц, участвующих в деле, но проживающих в отдаленных местностях, в составе кассационного и апелляционного суда может быть образовано постоянное судебное присутствие, расположенное вне места постоянного пребывания суда, допускается и возможность проведения заседания в других населенных пунктах, расположенных в пределах соответствующего судебного округа, если суд сочтет это необходимым¹¹. В силу финансовых и организационных сложностей есть опасения, что эта возможность вряд ли может быть реализована на постоянной долгосрочной основе.

При таком раскладе не может идти речи о доступности правосудия даже при самых высоких цифрах отмен. Отмена судебного акта не должна быть самоцелью. Не отменами как таковыми определяется качество судебной системы, поскольку в погоне за статистикой можно отменить и вполне законные судебные акты, не нуждающиеся в корректировке. Областные и соответствующие суды ранее неплохо справлялись с этой функцией.

Кроме того, в связи с тем, что мировые судьи являются по своей природе не федеральными, а судами субъектов, то назначение мировых судей, их аттестация, переназначение,

⁶ Департамент по обеспечению деятельности мировых судей в Свердловской области. URL: <http://svd.msudrf.ru/>

⁷ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография. М., 2010. С. 551.

⁸ Борисова Е.А. Указ. соч. С. 131.

⁹ Папулова З.А. Новые кассационные суды общей юрисдикции и принцип доступности правосудия // e-FORUM. 2019. № 4 (9). С. 5.

¹⁰ Борисова Е.А. Указ. соч. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141.

контроль единообразия судебной практики также осуществляются на территории субъекта, по-прежнему многие организационно-дисциплинарные вопросы решаются судом общей юрисдикции региона.

Анализируя конкретные дела, можно отметить, что отмены судебных приказов в основном происходят с изменением практики. Единого системного подхода по вопросам приказного производства в кассационных судах не выработано, поэтому каждый раз поступают по-разному. Так, к примеру, согласно ст. 128 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации должнику предоставляется 10 дней со дня получения приказа для представления возражений относительно его исполнения.

В случае если по истечении десятидневного срока от должника не поступят возражения, судья выдает взыскателю второй экземпляр судебного приказа, заверенный гербовой печатью, для предъявления его к исполнению.

Нередки случаи, когда должник пропускает указанный срок по разным причинам и впоследствии желает его восстановить. Он обращается с соответствующим заявлением и в случае ненадлежащего обоснования уважительности причин пропуска срока может получить отказ в его восстановлении. Большинство мировых судей на территории Свердловской области относились к вопросу о восстановлении срока на подачу возражений довольно серьезно, поскольку это напрямую влияет на исполнение, а часто сопряжено и с поворотом исполнения, если взыскание уже произошло. Данные вопросы единообразия судебной практики и равенства подходов регулировались на уровне Свердловского областного суда.

Однако в течение 2020 г. практика изменилась. Согласно процессуальным требованиям, отказ в восстановлении срока на подачу возражений относительно исполнения судебного приказа не может быть оспорен в суд кассационной инстанции. В случае своего несогласия с выводами мирового судьи следует обратиться с частной жалобой в суд апелляционной инстанции, коим для мировых судей является суд районный. Однако участились случаи, когда граждане, минуя апелляцию, отправляют жалобу напрямую в кассационный суд, который от-

меняет судебный приказ, притом что заявитель просил только восстановить сроки. Такие акты сказываются на единстве и стабильности подходов к рассмотрению рутинных дел с учетом того, что львиная доля судебных приказов выносятся по требованиям о взыскании коммунальных платежей и микрозаймов. Возможно, что в погоне за цифрами происходят более глобальные нарушения, связанные с излишними отменами вполне законных и обоснованных судебных актов.

«Степеней судебской независимости юридически не существует: судья первой инстанции при осуществлении юрисдикционных полномочий самостоятелен и независим от чьих бы то ни было указаний как извне судебной системы, так и от внутрисистемных судебных. [...] Ценность судебной критики в адрес суда первой и (или) второй инстанции обусловлена ее соответствием законности и функциональной самостоятельностью любого судьи»¹².

Понятие суверенитета государства распространяется на все ветви власти, включая и судебную. В связи с этим можно разграничивать компетенцию судебных органов в зависимости от их уровня на федеральную и региональную¹³.

Представляется, что относительно кассационного пересмотра судебных актов, выносимых мировыми судьями, порядок, существовавший до 1 октября 2019 г., вполне отвечал жизненным потребностям: был ближе и понятнее для обычных граждан, которые часто защищают свои интересы в делах, рассматриваемых мировыми судьями, без профессионального представителя. И система, вводя новые правила, должна также на это ориентироваться. Порядок обжалования должен быть оптимален, рационален и достаточен. Уровень областных и соответствующих судов для данной категории дел в силах с этим справиться.

¹² Мурадян Э.М. Судебное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. С. 453, 454.

¹³ Косолапов М.Ф. Судебная власть в конституционном строе России. М., 2005. С. 33 ; Цит. по: Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 194.

Литература

1. Борисова Е.А. Кассация по гражданским делам : монография / Е.А. Борисова. Москва : Городец, 2020. 206 с.
2. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 574 с.
3. Колоколов Н.А. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве / Н.А. Колоколов, С.Г. Павликов. Москва : Юрлитинформ, 2007. 306 с.
4. Мурадян Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. 567 с.
5. Папулова З.А. Новые кассационные суды общей юрисдикции и принцип доступности правосудия / З.А. Папулова // e-FORUM. 2019. № 4 (9). С. 5.

Шумов Пётр Владимирович,

доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат юридических наук
pshumov@gmail.com

Жуков Максим Андреевич,

помощник юриста общества с ограниченной ответственностью «Банкротцентр», магистрант Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
maksim.zhukov199823@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-53-56

К вопросу о субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства граждан

Субординация требований аффилированных лиц в процедурах банкротства — проблема, которая еще не решена на законодательном уровне. Попытки ее решения предпринимаются в правоприменительной практике, но неизбежно прослеживаются некоторые неясности, неточности и ошибки. Практика применения субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства юридических лиц относительно устойчиво сформировалась, чего нельзя сказать о практике применения указанного института в процедурах банкротства граждан. В настоящем исследовании авторами был проведен анализ ряда правовых позиций арбитражных судов, имеющих принципиальное значение для борьбы с искусственным увеличением кредиторской задолженности в процедурах банкротства граждан, и на его основе сделаны выводы о возможности применения субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства граждан, исследованы основания ее применения, выявлены сложности, с которыми сталкивается правоприменитель.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), субординация требований, реестр требований кредиторов, контролирующее должника лицо, аффилированные лица, компенсационное финансирование.

Проблема субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства назрела в нашей стране достаточно давно. В правотворческой практике институт субординации требований аффилированных лиц еще не нашел своего отражения. Соответственно, попытка решения указанного вопроса была предпринята в правоприменительной практике, формирующейся Верховным Судом Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) с 2017 г. в рамках борьбы с контролируруемыми банкротствами¹. Президиум Верховного Суда РФ утвердил 29 января 2020 г. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (далее — Обзор)².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах

В указанном Обзоре Верховный Суд РФ напрямую не выразил позицию относительно возможности применения субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства граждан. И это связано в первую очередь с тем, что позиция российских судов предполагает невозможность существования контролирующих лиц у граждан. В целях противодействия злоупотреблению правом со стороны кредиторов, недобросовестное поведение которых направлено на искусственное увеличение кредиторской задолженности, ответить на поставленный вопрос позволит анализ ряда правовых позиций арбитражных судов.

Итак, какие же основания для субординации требований кредиторов должника-гражданина используют арбитражные суды?

Во-первых, корпоративный характер требований аффилированного лица.

банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 7.

Российское законодательство допускает заемные отношения между обществом и его участником. Но для того чтобы займодавец в лице общества мог заявить о включении задолженности по выданному им займу в реестр требований кредиторов, ему необходимо обосновать экономическую целесообразность предоставления своему участнику денежных средств на возвратной основе. Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 25 февраля 2020 г. по делу № А40-247786/18³ сделал вывод, что недоказанность займодателем указанной экономической целесообразности порождает сомнения в добросовестности действий должника и отсутствии у него намерений искусственно нарастить кредиторскую задолженность в ущерб независимым кредиторам. Такие обстоятельства в конечном счете свидетельствуют о том, что заемные отношения между должником и кредитором прикрывают корпоративные. В то же время суд указывает на необходимость проверки действий участников сделок на предмет злоупотребления правом, фиктивности сделок или транзитного характера перечислений. Если признаки указанных действий выявлены не будут, задолженность по займу включается в реестр требований кредиторов и удовлетворяется после погашения требований всех кредиторов за счет оставшегося имущества должника.

Во-вторых, предоставление аффилированным кредитором должнику компенсационного финансирования. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 16 июня 2020 г. № 17АП-8105/2019 по делу № А60-15970/2019⁴ и Десятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 14 декабря 2020 г. № 10АП-15335/2020 по делу № А41-108822/2019⁵ пришли к выводу,

что требование, основанное на договоре, направленном на поддержание продолжения осуществления деятельности должником, находящимся в ситуации имущественного кризиса, должно быть субординировано, поскольку такое требование квалифицируется как требование о возврате компенсационного финансирования. Таким образом, правила, относящиеся к компенсационному финансированию, по аналогии применяются к физическим лицам, связанным личными отношениями.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 3 августа 2020 г. по делу № А50-7719/19⁶ установил, что аффилированные лица постоянно выдавали новые займы взамен старых, изменяя срок возврата ранее выданных займов, что свидетельствует о цели этих сделок — реструктуризации долга и предотвращении наступления дефолта. Сам факт аффилированности при этом является лишь дополнительным обстоятельством, свидетельствующим о том, что лица входят в одну группу компаний. Суд пришел к выводу о необходимости понижения очередности требований кредиторов по указанным займам.

Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 14 октября 2020 г. № Ф09-6118/20 по делу № А50-7719/2019⁷ указал, что суд должен установить действительную правовую природу оформленных договорами займа спорных перечислений, предоставить сторонам возможность раскрыть предшествующие вступлению в договорные отношения обстоятельства, а также раскрыть мотивы вступления в договорные отношения посредством заключения договоров займа. Понижение очередности требований кредитора лишь на том основании, что он является аффилированным лицом, осуществившим компенсационное финан-

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 февраля 2020 г. № Ф05-23505/2019 по делу № А40-247786/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2020 г. № 17АП-8105/2019(9)-АК по делу № А60-15970/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 декабря 2020 г. № 10АП-15335/2020 по делу № А41-108822/2019 // До-

кумент опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 августа 2020 г. № 17АП-19538/2019(3)-АК по делу № А50-7719/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 октября 2020 г. № Ф09-6118/20 по делу № А50-7719/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

сирование, признается необоснованным. Аналогичную позицию Арбитражный суд Уральского округа ранее выразил в постановлении от 21 августа 2020 г. № Ф09-7194/19 по делу № А50-6221/2019⁸.

В-третьих, погашение аффилированным лицом требования должника. В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2020 г. по делу № А56-101266/2018⁹ и Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2020 г. № 13АП-5480/2020 по делу № А42-7471/2018¹⁰ суд установил, что лицо, относящееся к категории аффилированных, располагающее информацией о введении в отношении должника процедуры банкротства, приобрело на возмездной основе право требования к должнику у первоначального неаффилированного кредитора. В результате суд пришел к выводу, что аффилированное лицо имело намерение осуществить за должника компенсационное финансирование в пользу одного из независимых кредиторов и требование аффилированного лица подлежит понижению в очередности, поскольку оно основано на сделке, совершенной в период неплатежеспособности должника. Впоследствии эту позицию поддержал Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 27 мая 2020 г. № Ф07-4739/2020 по делу № А56-101266/2018¹¹.

Суды отмечают, что сам факт аффилированности не означает запрета на включение в реестр требований кредиторов должника требований аффилированных к нему лиц, поскольку действующее законодательство не запрещает осуществле-

ние коммерческой деятельности между аффилированными лицами¹².

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 19 января 2021 г. № 11АП-16036/2020 по делу № А65-27856/2019¹³ указал, что предоставление денежных средств должнику от заинтересованного по отношению к нему лица для поддержания финансовой стабильности должника не дает такому кредитору права требования возврата таких денежных средств наряду с требованиями иных кредиторов должника. Соответственно, такое требование подлежит субординированию. При этом суд обосновывает свою позицию п. 3, 4 Обзора и прямо указывает на применение им позиций Верховного Суда РФ по аналогии к правоотношениям между физическими лицами.

Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 3 июля 2020 г. № Ф06-61534/2020 по делу № А65-12768/2018¹⁴ пришел к выводу, что взаимосвязанные основной должник и поручитель образуют группу юридически и фактически аффилированных лиц, что дает им возможность создавать видимость возникновения друг перед другом задолженности путем осуществления транзитных перечислений в целях включения такой задолженности в реестр требований кредиторов и оказания влияния на ход дела о банкротстве.

Таким образом, несмотря на отсутствие в Обзоре прямого указания на возможность применения сформулированных в нем правил к субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства гражданина, арбитражные суды применяют их по аналогии.

⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 августа 2020 г. № Ф09-7194/19 по делу № А50-6221/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2020 г. по делу № А56-101266/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2020 г. № 13АП-5480/2020 по делу № А42-7471/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 мая 2020 г. № Ф07-4739/2020 по делу № А56-101266/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2020 г. № 09АП-15623/2020 по делу № А40-28521/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2020 г. № 02АП-5270/2020 по делу № А28-4919/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2021 г. № 11АП-16036/2020 по делу № А65-27856/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 3 июля 2020 г. № Ф06-61534/2020 по делу № А65-12768/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

При этом основания для субординации требований прослеживаются аналогичные основаниям субординации требований аффилированных лиц в процедурах банкротства юридических лиц. К таковым, в частности, относятся корпоративный характер требования, компенсационное финансирование, погашение аффилированным лицом требования должника и др. При этом для отказа включения требования в реестр требований кредиторов или его субординации недостаточно лишь того, что стороны являются аффилированными лицами.

Важно отметить, что в условиях отсутствия законодательного регулирования вопроса субординации требований аффилированных лиц в целом и в процедурах банкротства граждан в частности на суды, пожалуй, ложится еще более серьезная ответственность за действие этого института. Верховный Суд РФ, взяв инициативу в рассматриваемом вопросе в свои руки, «перевернул игру», и существовавшая до 2017 г. практика признания существования полноценных заемных отношений между заемщиком-банкротом и аффилированным лицом сменилась практикой субординации требований аффилированных лиц. Но проблема, как это часто бывает, оказалась глубже, и сформулированная Верховным Судом РФ «мягкая» модель нижестоящими судами нередко трактуется как «жесткая»¹⁵. В результате применяется не субординация требований аффилированных лиц, а отказ во включении в реестр требований кредиторов таких требований¹⁶. Такой подход представляется в корне неверным, поскольку в конечном счете приводит к утрате аффилированными лицами иму-

щества без законных на то оснований¹⁷. И эта проблема характерна для института субординации требований аффилированных лиц в целом.

Безусловно, ясные, четкие и продуманные правила субординации требований аффилированных лиц должны быть установлены законодателем. Временным решением проблемы на данном этапе, полагаем, может стать обобщение судебной практики со стороны Верховного Суда РФ по вопросу субординации требований кредиторов должника — физического лица. Необходимость этого обусловлена спецификой отношений между физическим лицом и кредиторами. Далеко не каждый должник-гражданин берет на себя обязательство для целей извлечения выгоды, вследствие чего очевидной экономической цели в предоставлении займа может и не прослеживаться, что не исключает существования иных причин действий кредитора.

Более того, возникают сложности в доказывании, во-первых, того факта, что кредитор является контролирующим лицом должника и, во-вторых, факта осведомленности кредитора о сложившейся финансовой ситуации должника, поскольку такие сведения гораздо реже находятся в публичном доступе в отличие от сведений о должнике — юридическом лице¹⁸.

По указанным причинам суду необходимо исследовать не только отношения, сложившиеся между должником и кредиторами к моменту заявления требования о включении в реестр требований кредиторов, но и отношения, предшествующие этому. Важное значение имеет также подтверждение наличия у кредитора реальной финансовой возможности исполнить обязательства со своей стороны. На практике это подтверждается, как правило, сведениями о доходах.

¹⁵ Хлюстов П. «Заём бес правил» — о неконституционности субординации внутригрупповых (внутрикорпоративных) займов в банкротстве // zakon.ru. 2019. 9 июля.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 марта 2020 г. № Ф06-14147/2016 по делу № А57-1051/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Хлюстов П. Указ. соч.

¹⁸ Солодовникова Л.И. Субординация требований в банкротстве граждан. Как использовать новый подход судов // Арбитражная практика для юристов. 2020. № 10 (62). С. 81.

Литература

1. Солодовникова Л.И. Субординация требований в банкротстве граждан. Как использовать новый подход судов / Л.И. Солодовникова // Арбитражная практика для юристов. 2020. № 10 (62). С. 76–81.
2. Хлюстов П. «Заём бес правил» — о неконституционности субординации внутригрупповых (внутрикорпоративных) займов в банкротстве / П. Хлюстов // zakon.ru. 2019. 9 июля.

Кукса**Глеб Игоревич,**аспирант кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
kuksa869@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-57-60

Отдельные вопросы исполнимости судебных актов о включении в реестр требований кредиторов в случае прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) юридического лица

В настоящей статье освещаются вопросы исполнения определения суда о включении требования кредитора в реестр требований кредиторов по делу о несостоятельности (банкротстве) в ситуации, когда, во-первых, требование кредитора не было подтверждено судебным актом, вынесенным в общеисковом порядке, а во-вторых, производство по делу о несостоятельности (банкротстве) прекращается по основаниям, изложенным в Законе о банкротстве. По своей сути, обособленный спор, возбуждаемый в рамках дела о банкротстве для проверки обоснованности требования кредитора, не отличается от спора о взыскании задолженности, рассматриваемого в общеисковом порядке. Делается вывод, что в подобном случае имеется пробел в правовом регулировании исполнения требования кредитора, который был включен судом в реестр требований кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, требование кредитора, исполнительный лист, законная сила судебного акта.

Одним из ключевых моментов судебного разбирательства по делу о несостоятельности (банкротстве) юридического лица является рассмотрение требований кредиторов с целью проверки их обоснованности для последующего включения в реестр требований кредиторов. В настоящий момент это наиболее сложный и насыщенный с точки зрения совершения процессуальных действий обособленный спор. Интерес здесь понятен: от включения в реестр будет зависеть распределение голосов на собраниях кредиторов (также влечет за собой определенную зависимость кандидатуры арбитражного управляющего от мажоритарного кредитора) и, очевидно, размер возможной субсидиарной ответственности.

При нормальном течении процедуры в большинстве случаев она оканчивается завершением расчетов с кредиторами и исключением банкрота из ЕГРЮЛ (вариант с восстановлением платежеспособности остается скорее *Ultima Thule*¹).

Однако в практике нередко возникают случаи, когда производство по делу о несостоятельности прекращается по ряду оснований, изложенных в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о

банкротстве)², самым распространенным из которых является недостаточность средств для финансирования расходов в процедуры.

Представляется, что при таком исходе наблюдается недостаток в правовом регулировании требований кредиторов, которые были включены в реестр кредиторов и не были подтверждены ординарным судебным актом (решение суда, судебный приказ и т.д.), принятым в общеисковом (приказном) порядке.

Описание проблемы

Узким местом является действующее законодательство, которое формально-юридически не предусматривает возможности принудительного исполнения определений о включении в реестр требований кредиторов в случае прекращения процедуры несостоятельности (банкротства) юридического лица.

Так, согласно ч. 2 ст. 318 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) принудительное исполнение судебного акта производится на основании выдаваемого арбитражным судом исполнительного листа, если иное не предусмотрено настоящим кодексом.

Исполнительный лист выдается при взыскании денежных средств или иного имущества либо о понуждении совершить

¹ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 г. URL: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc?attempt=2> (дата обращения: 24.04.2021).

² Статья 57 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

определенные действия или воздержаться от их совершения³.

В таком случае по общему правилу в случаях вынесения судом решения по иску о признании (например, признании вещного права, равно как и отсутствия такого права) или по преобразовательному иску (о понуждении к заключению договора, при определении порядка пользования имуществом исполнительный лист не выдается (что не лишает их свойства исполнимости в широком смысле, о чем будет сказано далее)).

Чтобы решить вопрос о том, обладают ли последние свойством исполнимости, надо понять, что их отличает (если такие отличия имеются) от «классического» акта правосудия, такого как решение суда первой инстанции.

Так, в науке под решением арбитражного суда понимается «акт суда первой инстанции, которым суд на основании достоверно установленных при судебном разбирательстве фактов в строгом соответствии с нормами процессуального и материального права разрешает дело по существу, т.е. удовлетворяет иск либо отказывает в удовлетворении иска (заявления) полностью или в определенной части»⁴.

Из этого следует, что разрешение спора по существу — это главный признак решения, отличающий его от других актов правосудия.

Кредитор, желающий получить удовлетворения своих требования, инициирует обособленный спор в деле о несостоятельности (банкротстве) для защиты нарушенных прав и законных интересов участников дела о банкротстве, как и истец в рамках общеискового производства. По итогам проверки обоснованности требований кредитора судом выносятся итоговый судебный акт, разрешающий спор по существу между кредитором и должником, устанавливающий размер задолженности, без чего дело о банкротстве не может быть рассмотрено.

В работе Ю.Д. Подольского дано лаконичное и исчерпывающее определение обособленного спора, представляющего собой «факультативное гражданское дело, требующее разрешения спора о субъективном праве, имеющее взаимную юридическую связь с процессуальным правоотношением по урегулированию несостоятельности должника,

в котором с участием определенного законом круга субъектов (участников дела о банкротстве) устанавливается самостоятельный предмет доказывания»⁵.

С.К. Зайгайнова предлагает внести изменения в действующее законодательство и науку, добавив «промежуточные» судебные акты, суть которых сводится к ускоренному разрешению (в упрощенной форме по сравнению с упрощенным и приказным производствами) материально-правового требования, что является основанием (юридическим фактом) для вынесения решения по другому материально-правовому вопросу⁶.

Без включения в реестр требований кредиторов, безусловно, невозможно ни вынесения решения о признании банкротом, ни определения о прекращении производства по делу о несостоятельности, что делает определение о включении в реестр требований кредиторов «промежуточным» судебным актом.

Однако в настоящий момент не наблюдается упрощенной процедуры разрешения спора, о которой говорит С.К. Зайгайнова.

Согласно действующей судебной практике, данную категорию обособленных споров, в сравнении с общеисковым порядком, отличает более тщательная проверка обоснованности требований кредиторов, которым необходимо предоставить ясные и убедительные доказательства наличия и размера задолженности⁷. Особенно в ситуации наличия подозрений на осуществление кредитором корпоративного финансирования⁸.

В таких условиях отказ в выдаче исполнительного листа выглядит как минимум неоднозначно, если не странно, так как судебный акт, имеющий более квалифицированную процедуру проверки требований заявителя, получается неполноценным по сравнению с судебным актом, принятым в общеисковом порядке и наделенным законной силой, в том числе ее исполнимостью.

⁵ Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве. М.: Статут, 2020. С. 53.

⁶ Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 9–10.

⁷ Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. С. 3–96.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-04062018-n-305-es18-413-po-delu-n-a40-1638462016/>

³ Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсаламов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 203.

Доктрина *res judicata*

Современное понимание законной силы судебного решения как набора различных юридически свойств получило в рамках римского права (доктрина *res judicata*)⁹.

Известным отечественным процессуалистом профессором Н.А. Чечиной в качестве последствий законной силы назывались неопровержимость, исключительность, обязательность и исполнимость судебного решения¹⁰.

Европейским судом по правам человека принцип *res judicata* признается в качестве самостоятельного процессуального принципа гражданского судопроизводства, и в его понимании он отождествляется с принципом правовой определенности¹¹.

В то же время в литературе представлен иной подход о том, что, не являясь правовым принципом, в *res judicata* включаются лишь часть свойств законной силы, направленных на неприкосновенность вынесенного решения, а именно неопровержимость, исключительность. Сама же законная сила как институт процессуального права косвенно взаимодействует с принципом правовой определенности, так как последний шире по своему содержанию¹².

В монографии А.М. Безрукова отмечалось, что исполнимость как возможность с помощью средств государственно-правового принуждения исполнить предписания, заложенные в судебный акт, является последствием вступления его в законную силу, но добавляет, что это свойство относится исключительно к резолютивной части судебного акта, в то время как мотивы, по которым суд пришел к тому или иному выводу, не обладают подобным свойством¹³.

Понимание исполнимости как свойства законной силы есть как в узком смысле как возможность принудительного исполнения¹⁴,

так и в широком смысле¹⁵ как реализация акта правосудия любого вида (о присуждении или о признании), как вступившего в законную силу, так и не вступившего¹⁶.

Пути решения проблемы

В рамках дела о банкротстве кредиторам доступен широкий пул возможностей по получению удовлетворения своих требований, которые были включены судом в реестр требований кредиторов: начиная от «условно пассивных», таких как самостоятельное производство арбитражным управляющим расчетов с кредиторами (ст. 142 Закона о банкротстве), и «активных» — получение отступного (ст. 142.1 Закона о банкротстве), заключение мирового соглашения (глава VIII Закона о банкротстве), распоряжение правом требования по привлечению к субсидиарной ответственности (ст. 61.17 Закона о банкротстве) и др. Следовательно, можно сделать вывод, что законодатель наделил определение о включении в реестр требований кредиторов свойством исполнимости в широком понимании.

Если проводить параллели между решением суда и определением о включении в реестр требований кредиторов, то стоит признать, как уже было сказано ранее, в деле о банкротстве принимаемый судебный акт отличают только стандарты доказывания, которые, как правило, не применяются в общеисковом процессе, а также расширенный круг участников, в который включаются арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы и т.д.

Определение о включении в реестр требований кредиторов полностью отвечает признаку решения суда, однако имеет также «преюдициальное» (без наличия задолженности не может быть и дела о банкротстве) значение для вынесения последующих ключевых судебных актов по делу о банкротстве: решения о признании банкротом, определения о завершении процедуры и др.

Правильность данных рассуждений недавно подтвердил Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) по делу о банкротстве гражданина В.А. Кехмана.

Саратовского ун-та, 1990. С. 108 ; Щеглов В.Н. Иск о судебной защите гражданских прав : лекции для студентов / под ред. Г.Л. Осокиной. Томск, 1987. С. 146.

⁹ Рехтина И.В. Истоки принципа правовой определенности (*res judicata*) в законодательстве Древнего Рима // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 71–79.

¹⁰ Чечина Н.А. Норма права и судебное решение. Л., 1961. С. 55.

¹¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Брумареску против Румынии» от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95) ; Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // СПС «Гарант».

¹² Терехов В.В. Понятие и содержание категории «*res judicata*» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.

¹³ Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 18.

¹⁴ Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства. Саратов : Изд-во

¹⁵ Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. М. ; Екатеринбург : Норма, 1999. С. 201.

¹⁶ Невский И.А. Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 16.

В данном деле гражданин не был освобожден от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами, однако суды отказались выдать кредиторам исполнительные листы в части требований, от которых в силу прямого указания закона гражданин-должник не освобождается.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к закономерному выводу о том, что установление требований кредиторов в рамках дела о банкротстве аналогично судебному процессу о взыскании задолженности, а также указала, что наличие правового пробела в регулировании данного вопроса автоматически не указывает на наличие установленного законодательного запрета на выдачу исполнительных листов¹⁷.

Данное дело послужило основой для разъяснений, данных Верховным Судом РФ в соответствующем обзоре практики¹⁸.

¹⁷ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. № 307-ЭС16-12310(4) по делу № А56-71378/2015. URL: https://www.vsrfg.ru/stor_pdf_ec.php?id=1828212

¹⁸ Пункт 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019) // СПС «Консультант-Плюс».

Литература

1. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 752 с.
2. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов / А.М. Безруков. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 144 с.
3. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореферат диссертации доктора юридических наук / С.К. Загайнова. Екатеринбург, 2008. 51 с.
4. Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства / И.М. Зайцев. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 257 с.
5. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. С. 3–96.
6. Невский И.А. Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.А. Невский. Саратов, 2005. 28 с.
7. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве / Ю.Д. Подольский. Москва : Статут, 2020. 171 с.
8. Рехтина И.В. Истоки принципа правовой определенности (*res judicata*) в законодательстве Древнего Рима / И.В. Рехтина // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 71–79.
9. Решетникова И.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. Москва ; Екатеринбург : Норма, 1999. 312 с.
10. Терехов В.В. Понятие и содержание категории «*res judicata*» в российском и зарубежном гражданском процессе / В.В. Терехов // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.
11. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение / Н.А. Чечина. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. 78 с.
12. Щеглов В.Н. Иск о судебной защите гражданских прав : лекции для студентов / В.Н. Щеглов ; под редакцией Г.Л. Осокиной. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. 168 с.

В рамках дела о банкротстве уже юридического лица суды начали реципировать эту позицию и применять ее по аналогии¹⁹.

Итак, можно сделать следующий вывод о свойстве исполнимости определения о включении в реестр требований кредиторов в банкротстве юридического лица. При обычном течении процедуры банкротства определения о включении в реестр требований кредиторов не обладают свойством исполнимости в узком смысле, так как требования кредиторов исполняются не посредством выдачи исполнительного листа и совершением соответствующих исполнительных действий, а под контролем арбитражного суда посредством деятельности арбитражных управляющих, распоряжением правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности и т.д. В случае прекращения производства дела о несостоятельности юридического лица, когда кредиторы вправе продолжить принудительное взыскание с должника, получив исполнительный лист и предъявив судебным приставам, несмотря на то что в настоящий момент в законе нет прямо предусмотренной такой возможности.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 августа 2020 г. по делу № А12-16405/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/irHNYdA0afV8/>

Arbitrazh-Civil Procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 7/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П11715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 09.07.2021.

Issue was published: 15.07.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 **Argunov A.V.** On the Interrelation between Political Ideology and Procedural Law

8 **Yakusheva E.E.** Digital Technologies and Assurance of the Availability of Justice

13 **Ilyichev P.A.** On the Expediency of Reformation of the Ad Hoc Arbitration System in Russia

18 **Tairova A.T.** Legal Representative as a Party to a Civil Procedure

23 **Bardin L.N.** On Legal Grounds for the Use of Special Knowledge in Civil Case Review

28 **Chernov K.N.** Compensation as a Means of Indemnification for Harm Caused by Violation of the Right to Trial within Reasonable Time Limits

30 **Volchanskiy M.A.** The Pledgee's Option to Use the Procedural Succession Mechanism in Exercising the Rights Established by Clause 3 of Art. 358.6 of the Civil Code of the Russian Federation

36 **Tryapochkin N.A.** Competition between Judicial Confessions in a Civil and Arbitral Procedure

41 **Konstantinov A.A.** Interaction between the Arbitral Tribunal and the Parties in a Simplified Dispute Resolution Procedure in International Commercial Arbitration

EVIDENCE AND PROVING

46 **Konstandina E.I.** Record of a Witness Interview: Evidential Significance in Tax Disputes

ISSUES OF RECONSIDERATION OF COURT RULINGS BY COURTS OF SUPERIOR JURISDICTION

50 **Papulova Z.A.** Cassation-Based Reconsideration of Court Rulings Issued by Justices of the Peace

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

53 **Shumov P.V., Zhukov M.A.** On Subordination of Claims of Affiliated Parties in Private Bankruptcy Procedures

ENFORCEMENT PROCEEDINGS

57 **Kuksa G.I.** Some Issues of Enforceability of Court Rulings on the Inclusion in the Register of Creditors' Claims in the Event of Termination of Proceedings in a Legal Entity Insolvency (Bankruptcy) Case

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

On the Interrelation between Political Ideology and Procedural Law**Argunov Aleksey V.**

Associate Professor of the Department of Judicial Proceedings and Criminal Law Systems
of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)
PhD (Law)

The article raises the question of the relationship between ideology and procedural law. It is noted that some institutions and principles of the process more embody the ideological attitudes of society than others. The development of procedural law is analyzed through the prism of the liberal and social models of the process, the third model is highlighted — the utilitarian one.

Keywords: political ideology, procedural law, liberal process model, social process model, utilitarian process model, principles of procedural law.

Digital Technologies and Assurance of the Availability of Justice**Yakusheva Elena E.**

Associate Professor of the Department of Public Law
Head of the Department of Scientific Legal Examinations and Consulting
of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)
MBA (California State University)
LL.M. (University of London), PhD (Law)

The article is devoted to the actual scientific and practical issue of the use of digital technologies in order to increase the accessibility of justice. It is impossible to deny that the universal realization of the right to judicial protection is possible only if justice is available, so it is not surprising that the study of the issue of access of legal entities to judicial protection of their rights has occupied the minds of many legal scholars, and improving the situation with access to justice is one of the main tasks of legislators in the field of procedural rulemaking.

The author notes that the main activity aimed at improving the accessibility of justice in recent years has been the introduction of digital technologies in this area, which allow participants in legal proceedings to exercise a significant number of their procedural rights via the Internet. In response to the pandemic, the judicial system and lawmakers have sought solutions to ensure that citizens and legal entities can apply to the courts to protect their rights and interests in the new environment. It is quite predictable that such a decision was the further introduction of digital technologies in the judicial process.

It is obvious that similar tasks to improve the accessibility of justice are faced not only by the domestic legal system, but also by other developed legal systems.

This article examines the impact of digitalization on the accessibility of justice in Russia, analyzes the key measures taken in Russia and in a number of foreign countries in the field of judicial activity organization, designed to increase the level of accessibility of justice. The author concludes that measures to ensure the accessibility of justice in Russia correspond to the European level of introduction of digital technologies in legal proceedings, and sometimes even outstrip it.

Keywords: justice, digitalization, accessibility of justice, coronavirus, COVID-19, Internet, digital technologies, judicial system, web conference.

On the Expediency of Reformation of the Ad Hoc Arbitration System in Russia**Ilyichev Petr A.**

Chairman of the Commission for Arbitration Proceedings of the Association of Lawyers of Russia
Deputy Chairman of the Moscow Region Branch of the Association of Lawyers of Russia
Attorney, Member of the Attestation Board of the Chamber of Lawyers of the Moscow Region
Senior Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Member of the Council for the Development of Arbitration Proceedings under
the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD (Law)

The article is dedicated to the expediency of reformation of the ad hoc arbitration system in Russia. The author raises the issue of the existing violations in this sphere, namely: due to the gaps in the legal regulation, some organizations having no right to perform the functions of a permanent arbitration institution are still attempting at illegal administration of arbitration through the ad hoc arbitration procedure. Based on the systemic analysis of the laws, the legal science and the judicial practice, the author comes to a conclusion on the expediency of the amendment of the laws of the Russian Federation by introducing additional requirements to arbitrators forming the arbitral panel established by the parties to solve a specific dispute. Besides, the author suggests imposing some limitations on the review of some dispute categories through ad hoc arbitration: disputes over the acknowledgment of proprietary rights to real estate objects, disputes involving consumers and disputes where the value of claim exceeds RUB 10,000,000.00. Based on the research results, the article proposes amendments to the legal provisions of the Russian Federation regulating the reviewed relations.

Keywords: arbitration, court of arbitration, dispute, system, legislation, judicial practice.

Legal Representative as a Party to a Civil Procedure**Tairova Anzhelika T.**

Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

In the article, the author examines the legal status of a legal representative as a participant in civil proceedings. It examines a number of topical issues related to the legal regulation of the participation of a legal representative in civil proceedings, analyzes the rights and obligations of a legal representative in accordance with the current legislative regulation. The author is considering the peculiarities of the legal representatives by categories depending on the type of legal representation: legal representatives of minors, legal representatives of persons recognized by the court as incapacitated, legal representatives of persons recognized by the court as having limited legal capacity, etc.

Keywords: status, rights and obligations, representation, legal representative, legal capacity, minors.

On Legal Grounds for the Use of Special Knowledge in Civil Case Review**Bardin Lev N.**

Associate Professor of the Department of Judicial Proceedings and Criminal Law Systems of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)
PhD (Law)

The article is devoted to some problems of legal regulation of judicial expert activity, comparison of the norms of the current law, model laws and legal acts of some CIS member states. The necessity of adopting federal laws on forensic examination and on expertise and expert activity is substantiated.

Keywords: special knowledge, expert activity, expert, court examination, law, model law, accreditation, license, legal proceedings.

Compensation as a Means of Indemnification for Harm Caused by Violation of the Right to Trial within Reasonable Time Limits**Chernov Konstantin N.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure Law of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article examines the role of compensation as one of the most effective means of compensation for harm for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time. Each subject of law whose right to legal proceedings has been violated within a reasonable time has the right to file a corresponding statement and, after the issuance of a judicial act on the recovery of Compensation, receive a fair financial compensation for the length of time waiting for a judicial act to be issued.

In this article, the purpose of the study is a comprehensive analysis of the payment of monetary compensation to interested legal entities in the proceedings for awarding compensation for violation of legal proceedings within a reasonable time in the arbitration process. The result of the study is the satisfaction of the stated requirements of the stakeholders and the receipt of fair monetary compensation.

Compensation is a kind of monetary guarantee for the protection of the violated constitutional rights of Russian citizens, because reasonable terms of the proceedings in the arbitration process were violated.

Keywords: compensation for harm, compensation, the right to legal proceedings, reasonable terms, arbitration process.

The Pledgee's Option to Use the Procedural Succession Mechanism in Exercising the Rights Established by Clause 3 of Art. 358.6 of the Civil Code of the Russian Federation**Volchanskiy Mikhail A.**

Master of Private Law of the Russian School of Private Law
Deputy Head and Lecturer of the Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

The article is dedicated to the review of whether a pledgee exercising the rights established by Clause 3 of Art. 358.6 of the Civil Code of the Russian Federation may enforce procedural succession from the pledgor to himself in case of pledge of rights (claims). The author notes that the judicial practice is not unified with respect to this issue: in some cases, the courts see no grounds to satisfy a pledgee's claim for succession, while in other cases, on the contrary, the courts consider it necessary to perform procedural substitution of the pledgor with the pledgee.

The author agrees that a pledge of rights of claim does not automatically result in claim assignment, i.e., there is no full withdrawal of the pledgor from the relations with the debtor in terms of the pledged claim. However, the author believes that this provision should not entail a conclusion that a pledgee should not count on procedural succession. On the contrary, the pledgee is the only person to be acknowledged as the authorized recipient of the enforcement of the pledged claim after the default on the secured debt, due to the need to preserve the security function of the pledge of obligations, while the corresponding rights of the creditor/pledgor should be considered not subject to execution.

In the author's opinion, the facts described above allow acknowledging a pledgee as having an opportunity to use the procedural succession mechanism in the reviewed case.

Keywords: security of obligations, pledge, pledge of liability rights (claims), procedural succession.

Competition between Judicial Confessions in a Civil and Arbitral Procedure**Tryapochkin Nikita A.**

Postgraduate Student
Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article examines the problem of the existence in the domestic civil and arbitration process of such a phenomenon as the competition of admissions. The author believes that the competition of admissions in relation to the administrative theory of understanding the institution of admission is not something new for her. At the same time, issues related to the mechanics of resolving possible contradictions have not been sufficiently studied in procedural science. In this regard, the author proposes, depending on the subject criterion, to consider four fundamentally different situations: competition of admissions of accomplices; competition of admissions of several representatives of one client; competition of admissions of the client and his representative; competition of admission of a third party that does not make independent claims regarding the subject of the dispute and the party on which it participates in the process. For each of the cases under consideration, as a result, a certain procedural decision is proposed, which the legal practitioner should be guided by within the confines of the administrative theory of admission.

Keywords: court, admission of facts, grounds for exemption from proof, competition of admissions, civil process, arbitration process, persons involved in case.

Interaction between the Arbitral Tribunal and the Parties in a Simplified Dispute Resolution Procedure in International Commercial Arbitration

Konstantinov Andrey A.

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

The article discusses the ways of interaction of arbitration with the parties when considering cases in an accelerated (simplified) procedure, through a comparative analysis of various arbitration rules. The methodological basis of the study is made up of individual elements of the systematic approach, the provisions of materialistic dialectics, at the same time, general scientific, private scientific methods were used, as well as methods of cognition, analysis and synthesis, generalization, analogy, forecasting, classification, expert assessments. The following research approaches were used in the work: comparative legal and formal logical. Analyzed statistical data, the practice of arbitration centers under various regulations using a simplified, accelerated procedure. To achieve the goal of expediting the process, there must be an active involvement of the arbiter. In this regard, empowering the arbitrator himself, together with the parties, to determine the period for considering a particular case, without going beyond the time limit established by the rules, is of great practical importance for arbitration, since the resolution of a dispute through arbitration needs to be accelerated. This is due to the specifics of cases considered in arbitration, which, as a rule, are related to the turnover and investment of funds in entrepreneurial activity. Reducing the duration of the consideration of the case is the main goal of introducing accelerated (simplified) proceedings in arbitration. One of the ways of such a reduction is the introduction of a mechanism for interaction between the parties and arbitration, aimed at stimulating the use of such an order.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration proceedings, fast-track arbitration, simplified proceedings, composition of arbitration, parties.

Record of a Witness Interview: Evidential Significance in Tax Disputes

Konstandina Elena I.

Postgraduate Student of the Department of the Judiciary of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

The article considers the significance of the record of witness interview, compiled by the tax authority, as evidence in tax disputes related to unjustified tax benefits. The article describes, among other things, the application of this evidence on specific examples from judicial practice. In addition, the article reveals the current trends regarding the range of witnesses that are currently attractive to the tax authorities; the article provides an assessment of the prospects for further practice of using the record of witness interview drawn up by the tax authority as evidence in tax disputes.

Keywords: tax benefit, evidence, record of interview, article 54.1 of the Russian Federation Tax Code, tax dispute.

Cassation-Based Reconsideration of Court Rulings Issued by Justices of the Peace

Papulova Zoya A.

Associate Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

This article offers the essay about statistical statements about courts of cassation during 2020, author proposes her personal opinion about superfluity of cassation in point of acts of court within justice of the peace as having a bearing on access to justice.

Keywords: courts of cassation, justice of the peace, court order, acts of court, access to justice.

On Subordination of Claims of Affiliated Parties in Private Bankruptcy Procedures

Shumov Petr V.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of the Vladimir State University

PhD (Law)

Zhukov Maksim A.

Paralegal at Bankrotcenter Limited Liability Company

Graduate Student of the Law Institute of the Vladimir State University

Subordination of claims of affiliated persons in bankruptcy proceedings is a problem that has not yet been resolved in the legislation. Attempts to solve it are made in law enforcement practice, but some ambiguities, inaccuracies and errors are inevitably traced. The practice of applying the subordination of claims of affiliated persons in bankruptcy procedures of legal entities has been relatively stable, which cannot be said about the practice of using this institution in bankruptcy procedures of citizens. In this study, the authors analyzed a number of legal positions of arbitration courts, which are of fundamental importance for combating an artificial increase in accounts payable in bankruptcy procedures of citizens and, on its basis, made conclusions about the possibility of applying the subordination of claims of affiliated persons in bankruptcy procedures of citizens, investigated the grounds for its application. The difficulties encountered by the law enforcement officer have been identified.

Keywords: bankruptcy, subordination of claims, the register of creditors' claims, the person controlling the debtor, affiliated persons, compensatory financing.

Some Issues of Enforceability of Court Rulings on the Inclusion in the Register of Creditors' Claims in the Event of Termination of Proceedings in a Legal Entity Insolvency (Bankruptcy) Case

Kuksa Gleb I.

Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

This article covers the implementation of a court ruling on the inclusion of a creditor's claim in the register of creditors' claims in an insolvency (bankruptcy) case in a situation where, firstly, the creditor's claim was not confirmed by a judicial act issued in a general procedural order, and secondly, insolvency (bankruptcy) proceedings are terminated on the grounds set out in the Bankruptcy Law. In essence, a separate dispute initiated in the framework of a bankruptcy case to verify the validity of a creditor's claim does not differ from a debt collection dispute considered in a general court procedure. It is concluded that in such a case there is a gap in the legal regulation of the execution of the creditor's claim, which was included by the court in the register of creditors' claims.

Keywords: bankruptcy, creditor's claim, writ of execution, legal force of a judicial act.